LI 282/70

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

РУССКИМЪ ПРОСЕЛОЧНЫМЪ ДОРОГАМЪ.

I-е

ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ВЫПУСКУ *«Курса Опытнаго Русскаго Сельскаго Хозяйства»*.

СОЧИНЕНІЕ

А. П. Шелехова.

ПОМѢЩИКА ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМП.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, октября 25 дня 1842 года.

Цензоръ А. Очкинъ.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В.И. ЛЕНИНА
58053-44

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

РУССКИМЪ ПРОСЕЛОЧНЫМЪ ДОРОГАМЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО РУССКИМЪ ПРОСЕЛОЧНЫМЪ ДОРОГАМЪ.

Милостивые Государи! (*)

Третій годъ я имѣю счастіе предлагать свои услуги въ здѣшней столицѣ любителямъ отечественнаго сельскаго хозяйства: сообщаю свѣдѣнія, собранныя мною о сельскомъ хозяйствѣ, высказываю съ откровенностью свои мысли объ этой обширной области труда народнаго у насъ въ Россіи, дѣлюсь искренно, безкорыстно, съ живѣйшею радостью всѣмъ, что въ умѣ и и въ сердцѣ объ этомъ предметѣ. Слава Богу! Послѣ двадцатилѣтнихъ занятій сельскимъ хозяйствомъ въ

(*) Читано въ залѣ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, 1842 года въ декабрѣ мѣсяцѣ.

своихъ помѣстьяхъ и опытныхъ трудовъ, которые доставили мнѣ состоянія отъ шестидесяти до четырехъ сотъ душъ крестьянъ съ обширными землями и угодьями, можно знать что нибудь дѣльнаго объ этой благодѣтельной промышленности и сказать нѣсколько словъ правды, нѣсколько истинъ, не погрѣшая противъ справедливости и сущности дѣла. Признаюсь, я награжденъ вполнѣ вашимъ вниманіемъ и привѣтствіями. Были вечера: эта обширная зала едва помѣщала посѣтителей. Вы видѣли, въ рядахъ своихъ, М. Г. и первостепенныхъ сановниковъ государства и простыхъ гражданъ въ одеждѣ прадѣдовъ. Профессоры, студенты, воспитанники разныхъ учебныхъ дворянскихъ заведеній, даже духовенство, монашество посѣщали бесѣды. Помѣщики нарочно пріѣзжали изъ деревень раздѣлять съ нами вечера и бесѣды о любимомъ, родовомъ своемъ занятіи; дамы наполняли цѣлые ряды креселъ. Всѣ слышали, до всѣхъ доходили часто повторявшіяся слова патріотизма: «Дворянское Училище Сельскаго Хозяйства было бы въ нашъ вѣкъ истиннымъ благодѣяніемъ для государства.» Эта мысль и многія другія приняты были посѣтителями съ громкими одобреніями. Собранія умножались съ каждою бесѣдой. Все это трогало меня до глубины души. Нельзя было не замѣтить, что вовсе не желаніе разсѣянности, и не одно любопытство влекло многочисленныхъ посѣтителей на бесѣды, но увѣренность въ томъ, что русское сердце молвитъ слово внятное на своемъ родномъ языкѣ, поведетъ рѣчь справедливую изъ опыту, а не изъ умозрѣній, о Сельскомъ Хозяйствѣ,

трудѣ основномъ, отъ котораго возникаютъ всѣ промышленности; поведетъ рѣчь съ полнымъ уваженіемъ къ своему народу, съ живѣйшею любовью къ общему благу, съ непоколебимою приверженностью къ отечественнымъ постановленіямъ, и наконецъ, что слова дадутъ пищу размышленію, и согрѣютъ русское сердце. Такимъ образомъ незримо установлялась между нами связь: мы привыкали другъ къ другу, влеклись по сочувствію — я съ усердіемъ сообщать, а вы, достопочтенные соотечественники, съ благоволеніемъ принимать мои слова, совѣты, впечатлѣнія истинъ.

Но едва было не прервалось это душевное согласіе, эта сладостная связь между моими услугами и вашимъ благоволеніемъ. По обстоятельствамъ своимъ, я не могъ, оставаясь нынѣшнюю зиму жить здѣсь въ С.-Петербургѣ, посвятить еще издержекъ на то, чтобъ печатать книжки бесѣдъ. Прошлогодній опытъ доказалъ однакожъ, что книжки были важнымъ пособіемъ. Они распространяли кругъ пользы и знаній, доставляли свѣдѣніе отсутствующимъ любителямъ сельскаго хозяйства о бесѣдахъ нашихъ, и сверхъ того служили нитью для размышленій дома о народномъ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, предметѣ самомъ важномъ въ нашъ вѣкъ. Народное наше сельское хозяйство требуетъ въ нашъ вѣкъ о себѣ размышленій глубокихъ и постоянныхъ: оно не имѣетъ твердыхъ, раціональныхъ основаній, колеблется, и въ мысляхъ производителей, и на самомъ дѣлопроизводствѣ, а въ иныхъ мѣстахъ упадаетъ.

Нѣсколько времени я оставался одинъ съ моимъ усердіемъ и отказами въ пособіи. Но можно ли подумать, чтобъ Русская земля оскудѣла въ доблестяхъ и патріотизмѣ? Можно ли подумать, будто бы на свѣтѣ подымаетъ голову только что эгоизмъ, разыгрываются только что зависть, коварство, беруть верхъ притѣсненія усердію, владычествуетъ холодность къ общему благу? Едва дошло до свѣдѣнія Графа Николая Семеновича Мордвинова, незабвеннаго нашего государственнаго мужа-патріота о необходимости въ пособіи общеполезному предпріятію, Его Сіятельство, не колеблясь, простеръ руку помощи, назначилъ значительное вспоможеніе для напечатанія книжекъ бесѣдъ, съ условіемъ раздавать даромъ сто экземпляровъ, и завѣщалъ эти ежегодныя пожертвованія достойному своему сыну, пока будутъ продолжаться бесѣды.

Изумительныя событія предъ нашими глазами! Какъ ярко освѣщаютъ они ту истину, что жизнь, проведенная въ сосредоточіи и изощреніи ума, въ изученіи, въ чтеніи, вмѣсто суетныхъ увеселеній и разсѣянности, напитанная возвышенными чувствами и мыслями, посвященная постояннымъ трудамъ на пользу отечества, не лишается своей силы и блеску въ годахъ самыхъ преклонныхъ, въ глубочайшей старости. Сопутниками ея остаются постоянно доблесть и возвышенность духа, неугасаемая любовь къ отечеству, неослабное стремленіе къ распространенію знаній и привычныя, непрерывныя попеченія о процвѣтаніи и успѣхахъ любимаго предмета — народнаго сельскаго хозяйства. Прошлаго году маститый ста-

рецъ, Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, 89-й годъ своей жизни, кромѣ безчисленныхъ благодѣяній и христіанскихъ пособій сиротству и скудости, ознаменовалъ еще патріотическимъ пожертвованіемъ—сорока тысячь рублей въ Вольное Экономическое Общество для составленія народной библіотеки сельскаго хозяйства. Блистательный примѣръ имѣлъ счастливое вліяніе: Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ имуществъ предложилъ задачу — составить наставленіе о сельскомъ хозяйствѣ для крестьянъ. Нынѣ 90-й годъ жизни русскаго патріота не миновалъ также безъ душевныхъ заботъ о благѣ общемъ и безъ значительнаго пожертвованія для успѣховъ сельскаго хозяйства. Цѣль и желаніе Его Сіятельства при этомъ случаѣ есть содѣйствіе распространенію положительныхъ, промышленныхъ знаній въ управленіи дворянскими помѣстьями и утвержденіе раціональности въ этомъ особомъ отдѣлѣ нашей народной промышленности сельскаго хозяйства. Я повинуюсь его призыву. Не нахожу словъ для изъявленія благодарности за пособіе. Скажу только то, что, воодушевляясь примѣромъ попеченій о рускомъ сельскомъ хозяйствѣ и ревностію къ общему благу Его Сіятельства, я воскресаю духомъ, сбрасываю посыпанный на мою голову прахъ уничиженія на самихъ недоброжелателей и съ полнымъ усердіемъ постараюсь исполнить желаніе маститаго патріота.

Съ будущаго 1843 году я начну бесѣды о второй основной вѣтви сельскаго хозяйства — земледѣліи. Вы видѣли, М. Г., изъ очерка сельскаго хозяйства, что

отрасли этой вѣтви — земледѣлие, огородничество, садоводство, лѣсоводство, полеводство и луговодство. Я предложу о всѣхъ тѣхъ отрасляхъ, о которыхъ успѣю сказать въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ послѣ новаго году. Я буду, по прежнему, придерживаться, и въ этой области сельскаго хозяйства, правилъ Политической Экономіи, то есть буду смотрѣть на труды между прочимъ и съ той точки, которую указываетъ промышленность въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Въ нынѣшнемъ году дозвольте мнѣ, М. Г., пройти съ вами еще разъ по тому поприщу, которое недавно открыто и устроилось въ преподованіи сельскаго хозяйства. Вы, безъ сомнѣнія, отгадываете мое предположеніе: я намѣренъ повторить еще разъ бѣседы до новаго году о Домоводствѣ. Мы снова углубимся въ разысканіе истинъ раціональнаго Домоводства. Какъ оно важно въ сельскомъ хозяйствѣ и во всѣхъ промышленностяхъ, ремесленной и торговой — объ этомъ послѣднемъ предметѣ скажу въ свое время—вы могли судить по тѣмъ предметамъ, которые составляютъ Домоводство. Смѣло можно сказать, что, не изучивъ глубоко и основательно предметовъ Домоводства, не усвоивъ себѣ истинъ, или по крайней мѣрѣ не отгадывая ихъ, не сливаясь съ ними по догадкѣ, по сочувствію, нельзя вести никакой промышленности съ успѣхомъ, то есть съ выгодою частною и пользою общею, нельзя быть ни домовитымъ хозяиномъ, ни хорошимъ распредѣлителемъ трудовъ и капиталовъ. Вдаваться въ промышленныя предпріятія и обороты, сколько бы

ни было усердія и какъ бы значительны не находились въ рукахъ капиталы, не вѣдая или не придерживаясь правилъ раціональнаго домоводства, было бы тоже, что пускаться въ открытое море на всѣхъ парусахъ безъ руля и компаса. Пловцу, который бродитъ по равнинамъ морскимъ на авось, на удачу, не миновать подводныхъ камней, не избѣгнуть кораблекрушенія, а сельскому хозяину, промышляющему безъ цѣли и плану, безъ устройства и порядка вотчиннаго, не избѣжать убытковъ, напрасныхъ тратъ времени, труда и капитала, разстройства состоянія и легко можетъ случиться, раззоренія.

Вы помните, конечно, М. Г., что разсужденіямъ нашимъ о домоводствѣ предшествовали общія, предварительныя понятія о сущности сельскаго хозяйства, объ основаніяхъ труда и промышленностей. Мы разсматривали правила Политической Экономіи, сдѣлали опытъ приложенія ихъ къ промышленности сельскаго хозяйства. Мы не могли не открыть тотчасъ же самой тѣсной связи сельскаго хозяйства и двухъ другихъ промышленностей ремесленной и торговой съ Политическою Экономіей, а также взаимной, неразрывной связи всѣхъ этихъ трехъ промышленностей между собою. Намъ обнаружились ясно: цѣль и сущность промышленностей, отношенія теоріи къ практикѣ въ промышленностяхъ; открылось, кто изъ нихъ первенствуетъ чѣмъ различаются промышленности отъ наукъ и искусствъ; въ чемъ состоятъ ошибки прежняго преподаванія и наконецъ, какое именно преподаваніе полезно для Россіи. Мы не упустили

изъ виду подробно разсмотрѣть свойствъ труда и наконецъ коснулись самой важной пружины возвышенія труда народнаго, именно: улучшеній, усовершенствованій и преобразованій. Мы узнали, въ чемъ заключается тайна полезныхъ улучшеній, усовершенствованій и преобразованія, и поняли, что въ сельскомъ хозяйствѣ улучшать можно *не мечту, не умозрѣнія, но только то, что существуетъ передъ нашими глазами и что производится на дѣлѣ, а совершенствовать можно только улучшенное.* Намъ сдѣлалась ясною, какъ день, истина, что улучшенія, усовершенствованія и преобразованія не могутъ *идти вездѣ одинаково, а того болѣе, дѣйствовать вопреки мѣстности, свойствъ неба и земли, образа жизни, правовъ народныхъ и степени образованности.* Мы убѣдились, что *преобразовать, не значитъ низпровергать прежнее, истреблять укоренившееся, перестроивать все на новый ладъ небывалый, не имѣющій никакой связи съ прежнимъ.* Мы постигли, что прежнее въ хозяйствѣ тоже, что основное, что настоящее есть его послѣдствіе, продолженіе и переходъ къ будущему, что прежнее, прошедшее важно и поучительно: оно бросило глубокіе корни въ почву и души. Мы замѣтили, что *въ каждомъ народѣ есть своя основа для всякаго труда, составившаяся съ незапамятныхъ временъ по понятіямъ, мѣстнымъ средствамъ и потребностямъ края, по способностямъ и склонностямъ жителей.* Мы согласились, что рабская перемчивость, безусловныя подражанія иностраннымъ заведеніямъ, въ хозяйствѣ, никогда не доводили ни до чего хорошаго и

не доставляли производителямъ ничего другаго, кромѣ убытковъ и разоренія; приняли за истину неопровергаемую, что *намъ пристало и годится только* свое. Пусть улучшаютъ, совершенствуютъ свое, опираютъ на правила наукъ, украшаютъ искусствами; оно непремѣнно преобразуется къ лучшему, но не лишаясь своего природнаго оттѣнка; сквозь блескъ и изящество улучшеній всегда будетъ просвѣчиваться *драгоцѣнный бытъ народный, основанный на духѣ, правахъ народныхъ и мѣстности, и не помѣшаетъ быть Русскому Русскимъ, Малороссіянину Малороссіяниномъ.* Прямымъ слѣдствіемъ всего этого было то убѣжденіе, что иностранныя хозяйства, иностранный образъ жизни частный и гражданскій хороши въ своихъ земляхъ, но для насъ не могутъ быть ни образцами, ни пружинами улучшеній, усовершенствованій и преобразованій нашихъ помѣстій, нашего образа жизни частнаго и государственнаго. Мы приняли наконецъ за основное правило «*улучшать, совершенствовать, преобразовывать только свой трудъ народный, туземную промышленость, показывая примѣры на опытѣ, какъ производить въ лучшемъ видѣ и съ большею пользою свой мѣстный трудъ, свое мѣстное хозяйство, которое ведется въ своемъ краю и усвоилось отъ колыбели.*»

Съ другой стороны, наблюдая сельское хозяйство въ разныхъ видахъ и областяхъ Россіи, принимая въ соображеніе географическое положеніе государства нашего въ Европѣ, мы замѣтили, что въ Европейской Россіи сельское хозяйство господское и крестьянское, вольное и крѣпостное не должно ограничиваться, по-

старинному, однимъ хлѣбопашествомъ или однимъ полеводствомъ, а того менѣе полеводствомъ трех-польнымъ зерновымъ, доставляющимъ только зерновой хлѣбъ. У насъ часто случается, что на всей огромной равнинѣ государства нашего въ Европѣ, въ одну ночь, въ одно утро погибаютъ жатвы отъ дурной росы, либо ранняго мороза, засухи. Сколько разъ было замѣчено, что если въ тверской губерніи пострадали овесъ и гречиха отъ росы или морозу, то, навѣрное, эти же хлѣба потерпѣли ущербъ въ тульской, орловской и тамбовской губерніяхъ, а иногда и въ Малороссіи. Въ иной годъ случается помѣха въ цвѣту, въ наливѣ зеренъ для ржи, для ячменю въ тверской губерніи, и можно отгадать навѣрное, что въ этотъ годъ рожь и ячмень нигдѣ не доставили хорошихъ урожаевъ, кромѣ развѣ западныхъ, за-бѣлорусскихъ и приморскихъ губерній, гдѣ климатъ гораздо мягче восточныхъ и многихъ юго-восточныхъ нашихъ губерній. Другія страны Европы прорѣзаны и защищены отъ непогодъ цѣлыми хребтами горъ; тамъ поля и луга обезопасены этими преградами отъ рѣзкости воздуха и бича морознаго, который, напротивъ того, у насъ, безпощадно сѣчетъ поздно весною и рано осенью, а подъ-часъ и среди лѣта необозримыя хлѣбныя жатвы. У насъ въ иной годъ отъ неурожая отбиться нельзя, и на оборотъ, не избѣжать въ благодатный годъ перероду хлѣба, который хуже недороду. Въ урожайный годъ родится въ Россіи на необозримыхъ пахатныхъ поляхъ столь много хлѣба, что въ иныхъ мѣстахъ хлѣбъ дѣлается не цѣнностію, а въ неурожайный годъ, само-по-себѣ разумѣется, страдаетъ отъ

неурожаю огромный классъ народонаселенія—земледѣльцы. И такъ, наше русское сельское хозяйство отнюдь не должно посвящать трудовъ и капиталовъ, исключительно одному только хлѣбопашеству, но устремлять вниманіе и разливать капиталы по всѣмъ многочисленнымъ отраслямъ сельской промышленности. Оно должно заботиться о выгодномъ промыслѣ домашними животными, распространять и совершенствовать сельскую ремесленность, которая, въ суровое время года, когда прекращаются всѣ полевыя работы слишкомъ на полгода, одна можетъ доставить сельскому хозяину значительный доходъ и удовлетворить нужды края. Необходимо также обратить вниманіе на огородничество, пренебреженное во многихъ хозяйствахъ, соединять его съ плантаціями пеньки, и съ добываніемъ пряныхъ, красильныхъ и лекарственныхъ растеній, также съ сахародѣліемъ изъ свекловицы. Слава Богу! Наше хозяйство взялось ревностно за сахародѣліе. Эта отрасль въ нашъ вѣкъ есть и конечно будетъ надолго весьма выгоднымъ источникомъ помѣстныхъ доходовъ.

Раціональному русскому сельскому хозяину необходимо также къ промышленности сельскаго хозяйства присоединять торговую и часто мануфактурную, пользуясь помѣстными угодьями: лѣсами, водами, горами, низинами черноземными. Пусть хозяинъ строитъ барки, сплавляетъ и пилитъ бревна изъ своихъ лѣсныхъ дачъ, топитъ чугунъ изъ черноземной земли, напитанной желѣзною рудой, добываетъ металлы, выламываетъ камни строительныя изъ своихъ горъ и рѣчныхъ береговъ, выжигаетъ кирпичь и известку, заводитъ ткацкую

промышленость, помогаетъ вотчинѣ выдѣлывать чулки, шляпы, лапти, чашки, веретена, дѣлая мастеровыми молодежь крестьянъ своихъ. Въ нашъ вѣкъ въ помѣстьяхъ и селеніяхъ, которые съ каждымъ годомъ наполняются новымъ народонаселеніемъ при той же самой землѣ и угодьяхъ, необходимо дать занятіе рукамъ, остающимся свободными отъ земледѣлія, особливо въ осень и зимнюю пору; необходимо по неволѣ заводить фабрики, усиливать, прививать торговый и ремесленный промыслы дома и распространять ихъ между крестьянами, вмѣсто того, чтобъ заставлять бродить бѣдняковъ безъ капиталу и искусства изъ города въ городъ, добывать невѣрную копѣйку, а иногда неусыпно трудиться изъ одного куска хлѣба. Раціональный сельскій хозяинъ, наблюдая требованія края, можетъ направить трудъ на эти требованія, и, пользуясь хорошимъ сбытомъ издѣлій, доставить своимъ сотрудникамъ-крестьянамъ хорошіе заработки дома, возлѣ семействъ.

Чѣмъ убѣдиться въ справедливости всего этого? Чѣмъ повѣрить правила, признанныя нами основными? Ни чѣмъ другимъ, какъ опытомъ, примѣрами трудовъ и народнаго быту, существующаго передъ глазами. Дозвольте мнѣ, М. Г., передать вамъ вѣрное изображеніе народнаго быту, въ томъ видѣ, какъ онъ есть, въ краю самомъ любопытномъ и замѣчательномъ въ Россіи.

Вы знаете этотъ обширный и населенный край русской земли, который окружаетъ сердце Россіи, Москву. Бросьте отъ Москвы во всѣ стороны по два девяноста верстъ, а къ востоку и сѣверу, накиньте еще съ небольшимъ девяносто, и вотъ вамъ *зерно Руси*. Здѣсь кипятъ

трудъ и промышленость; здѣсь живетъ народъ одноплеменный, умный, смышленый, богобоязненный, живой, дѣятельный, бодрый, предпріимчивый. Предѣлы этого края: Вязьма, Ржевъ, Осташковъ, Вышній-Волочекъ, Рыбинскъ, Кострома, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Рязань, Калуга. Ока и Волга приняли его въ свои объятія и охватываютъ его съ обѣихъ сторонъ, какъ-бы двумя руками. Русскій человѣкъ этого краю по большой части съ русыми и темно-русыми волосами, съ выстриженной маковкой, красивъ лицомъ, строенъ тѣломъ и всегда веселъ духомъ; въ глазахъ горитъ отвага; поступь гордая и смѣлая, ловкость и щегольство — неразлучные его товарищи. Синій и темно-сѣрый армякъ, затянутый на-крѣпко кушакомъ, синій и красный сарафанъ, кокошникъ и блестящая широкая лента пріятнаго виду, съ напускомъ сапоги или шерстяныя чулки съ чоботами съ краснымъ наборомъ, — вотъ одежда мужчинъ и женщинъ всего этого обширнаго краю. Обычаи, нравы жителей почти одинаковы. Человѣкъ женится здѣсь для горшка горячихъ щей и для кислаго урѣзнаго квасу. Языкъ чистый русскій. Въ произношеніи въ словахъ измѣняются *ц* на *ч*, на *т*, *о* на *а*, но значеніе словъ одно и то же. Духъ языка, составъ выраженій изображаютъ чистое русское слово. Человѣкъ этого краю парится въ банѣ или печкѣ чуть не на смерть.

За Вязьмой, за Ржевомъ, живутъ бѣлоколпашники и бѣлокафтанники. Сарафанъ замѣняется у женщинъ юбкой, кокошникъ простымъ платкомъ на головѣ. Здѣсь человѣкъ живетъ въ лѣсахъ. Онъ нрава тихаго, уединеннаго. Онъ низокъ ростомъ, робокъ сердцемъ, не при-

хотливъ на пищу; доволенъ, если онъ ѣстъ хлѣбъ съ мякиной и запиваетъ его чистою водою. О квасѣ нѣтъ и въ поминѣ. Языкъ русскій ломаный, странный въ произношеніи и по значенію словъ. Смоленское племя больше сходно съ бѣлорусскимъ, въ которомъ есть Русь, но какъ лучь солнечный въ потухающей зарѣ.

За Торжкомъ, за Вышнимъ-Волочкомъ, попадается вамъ рыжій Корелъ и Русь, смѣшавшаяся съ скулистою, полу-дикою Чудью. За Окой, въ Тулѣ встрѣчаетъ васъ степная лѣнь неуклюжая, которая «прежде насъ родилась», и беззаботное домоводство. Здѣсь живетъ Русь, отшатнувшаяся отъ роднаго краю, изнѣженная, прихотливая, избалованная плодоносною землею и благорастворенным небомъ, которые часто даютъ жителю богатства земли даромъ. Эта Русь покинула синій армякъ и надѣла темно-коричневый кафтанъ и бѣлъ-балахонъ; вмѣсто кокошника носитъ она глупую, рогатую кичку; подъ своимъ теплымъ небомъ женщина сбросила съ плечь сарафанъ и осталась въ одной рубахѣ съ пестрыми рукавами, которую прикрыла поневой, на подобіе шотландской, пестрой, шахматной ткани. Эта степная Русь живетъ и двигается только для матери нашей масляной гречневой каши, безъ которой и за столъ не садится. Ремесленность въ этотъ край не заглядываетъ.

За Ярославлемъ, за Костромой, за Нижнимъ-Новгородомъ произрастаетъ Мордва, Чуваши, Черемисы, а въ пустыняхъ разширяется монгольское племя — Татары и Калмыки. Чистое русское племя съ своими коренными, народными нравами сосредоточилось около сердца Ма-

тери-Бѣлокаменной. Любопытенъ этотъ край. Онъ живетъ самобытною жизнью и далеко опередилъ сѣверъ, западъ и югъ Россіи промышленностями разнаго роду и торговыми оборотами; онъ добываетъ деньгу деньгою. Отсюда, какъ изъ сердца, разливается по всему тѣлу Россіи трудъ неутомимый и движеніе промышленностей. Ремесла, кажется, родились въ немъ и крѣпко засѣли, какъ лѣсная молодая поросль на нивѣ. Трудъ земледѣльческій, торговый и ремесленный развивается, совершенствуется и достигаетъ искусства самъ-собою, по врожденной даровитости жителей.

Даже въ лѣсахъ, которые тянутся на рубежѣ этого краю по старицкому и осташковскому уѣздамъ, не умолкаютъ въ самую глухую зиму трудъ и промышленность. День и ночь раздаются удары топора, падаютъ вѣковыя деревья, которыя вывозятся съ дивнымъ исскуствомъ по сугробамъ изъ лѣсу на сплавныя рѣки. Весною эти рѣки выносятъ тьмы темъ, бревенъ и кокоръ, изъ которыхъ на пристаняхъ рѣкъ Гжати, Возузы, Волги, строятся сплавныя суда. По пристанямъ и въ приволжскихъ городахъ этого краю слышатся съ утра до ночи стукъ топора, сипѣнье пилъ, скрыпъ полоза, подвозящаго для судоходства съ юга и запада Россіи разнообразныя произведенія русскаго сельскаго хозяйства, поступающія въ Петербургъ и за моря на десятки милліоновъ рублей.

Я объѣхалъ этотъ край Россіи, пробираясь изъ зубцовской своей отчины въ гороховскую владимірской губерніи. Я кружилъ все по проселочнымъ дорогамъ, проѣхалъ тверскую, московскую, ярослав-

скую, владимірскую губерніи, по тропинкамъ, по сугробамъ, коснулся нижегородской, и, — странное дѣло! — совершилъ это далекое странствіе на своихъ лошадяхъ. Я останавливался въ деревняхъ и селахъ, вдали отъ большихъ дорогъ, ночевалъ подъ крышею добрыхъ поселянъ, при свѣтѣ лучины, возлѣ русской печки — это было въ январѣ мѣсяцѣ. — Я заводилъ разговоры съ добродушными своими хозяевами о нынѣшнемъ вѣкѣ, о житьѣ бытьѣ и богатствѣ сельскомъ, видѣлъ этотъ бытъ своими глазами и сохраню навсегда въ памяти живыя воспоминанія. Наконецъ, я, не хвастаясь, открылъ Новый Свѣтъ по среди Старой Руси, и, новый Коломбъ, возвратился я домой съ дивными извѣстіями для городскихъ жителей о неизвѣстныхъ доселѣ народахъ, обитающихъ совершенно встороне отъ всякой большой дороги, по которой горожане развозятъ, мчась на почтовыхъ, свое пресыщеніе и свою скуку.

Въ Москву я отправился изъ своей зубцовской отчины по глухой пустынной, проселочной дорогѣ на Волоколамскъ. Поля худо обработанныя, лѣса, обезображенныя порубкой, бѣдныя деревни, — вотъ все, что на этомъ пути представлялось взорамъ. Впрочемъ и здѣсь мѣстами по временамъ возникаетъ торговая дѣятельность и зараждаются манукфатуры. На границахъ зубцовскаго уѣзда есть село Середа волоколамскаго уѣзду. Когда ляжетъ зимній путь, оно тоже для зернового хлѣба, что село Сухиничь калужской губерніи для постнаго масла; что Гжатскъ, Зубцовъ, Ржевъ, складочныя мѣста для пеньки и сала. Оно

пристань сухопутная хлѣбная. Здѣсь бываютъ перевалы хлѣба изъ степныхъ губерній. Еженедѣльно по средамъ съѣзжаются на базаръ мужички, степныхъ губерній, также московской, тверской, смоленской. Одни продаютъ, другіе покупаютъ цѣлыми обозами рожь, овесъ, ячмень, гречиху, горохъ и отвозятъ на сѣверъ Россіи за Тверь, за Торжокъ, за Вышній-Волочокъ, къ Старой Руси и къ Новугороду, по зимнему пути, изъ небольшихъ барышей. Мужичекъ, зимній извощикъ, считаетъ себя счастливымъ, если прокормитъ себя и пару лошадокъ, и зашибетъ еще въ недѣлю извозу полтину серебромъ заработковъ. Ткачество въ этомъ краю разставляетъ свои станки нанокъ, миткалей, коленкоровъ, кисей въ селахъ и деревняхъ. Фабриканты, правда еще бѣдняки, русскіе и иностранцы, поселились въ селѣ Городищѣ старицкаго уѣзду, въ селѣ Волосовѣ зубцовскаго, въ селѣ Ярополѣ волоколамскаго и въ самомъ Волоколамскѣ. Въ зубцовскомъ уѣздѣ одинъ молодой, богатый помѣщикъ села Ошуркова, раціональный сельскій хозяинъ, съ расчетливымъ и прозорливымъ умомъ, воскрешаетъ суконную фабрику, и обѣщаетъ скоро доставить занятіе на тысячу рукъ для своихъ и посторонніихъ крестьянъ. Все это есть однакожъ только заря или, лучше сказать, первые лучи разсвѣта въ сравненіи съ ткацкою и торговою промышленностями московской, ярославской и владимірской губерній.

Изъ Москвы я выѣхалъ въ началѣ января мѣсяца, направилъ путь въ свою владимірскую отчину гороховскаго уѣзду по страмышкѣ, проселочной дорогѣ.

Начиная отъ подмосковнаго села Черкизова, что за преображенской заставой, ткацкая промышленность, какъ море, разливается по деревнямъ и селамъ къ Александрову, къ Юрьеву-Польскому, Ростову, Ярославлю до Кинешмы, Шуи и Вязниковъ. Въѣзжая въ селеніе зимнимъ или осеннимъ вечеромъ и утромъ, вы удивитесь и невольно спросите: что за освѣщеніе въ этихъ избахъ, отдѣльныхъ отъ общаго посаду? Свадьба, поминки, горе или радость зажгли въ нихъ яркіе огни, между тѣмъ, какъ слабый лучь свѣту отъ лучины чуть брезжется сквозь окна другихъ избъ посада? Не горе и не радостъ, но ткацкая промышленность. Она поставила, такъ называемыя, свѣтлицы на краю или на позадкахъ селенія для безопасности на случай пожара, прорубила въ свѣтлицахъ по три красныхъ окна съ трехъ сторонъ, со входомъ съ четвертой; внутри по стѣнамъ подъ окошками установила станки съ челнокомъ самолетомъ, посрединѣ помѣстила печку и оставила еще мѣста для размотки бумажной пряжи въ шпули; какъ скоро смеркнется, она засвѣчаетъ передъ каждымъ станкомъ на висячемъ шандалѣ по сальной свѣчкѣ. Въ свѣтлицѣ обыкновенно устанавливается шесть ткацкихъ станковъ; въ ней ночью и днемъ свѣтло, и не только тепло, но даже душно и, правду сказать, не больно чисто. Женщины сидятъ за станками почти въ рубищѣ. «Намъ некогда на себя прясть, говорятъ онѣ, а праздничный сарафанъ не кстати носить за работой.» Въ деревняхъ въ рѣдкой избѣ вы увидите ткацкій станъ для бумажныхъ тканей, и то развѣ въ избѣ съ трубой, такъ называемой, бѣлой.

Однакожъ и въ бѣлой избѣ почти также темно, черно и грязно, какъ и въ курной. Нельзя работать, не запачкавъ ткани. Есть въ деревняхъ этого краю обычай пускать въ избу зимою скотину, коровъ, телятъ, свиней, ягнятъ и кормить ихъ въ теплѣ. Хорошая изба дѣлается оттого не лучше стойла. Для ткацкой свѣтлицы во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе деревенскихъ избъ съ однимъ или съ двумя красными окнами съ лицевой стороны. Но и эти ткацкія свѣтлицы суть только зародыши будущихъ чистыхъ, свѣтлыхъ и обширныхъ фабрикъ. Сельская ткацкая промышленность еще, какъ новорожденное дитя въ колыбели, чуть дышетъ. Она не имѣетъ еще ни достаточныхъ капиталовъ для своего развитія, ни искусства, ни образованности, необходимой для ремесла. Впрочемъ здѣсь, какъ и вездѣ, при самомъ зарожденіи своемъ, промышленность дѣйствуетъ и раскрывается по своимъ непремѣннымъ законамъ. Необходимое раздѣленіе труда съ нею и здѣсь неразлучно. Дѣйствующими лицами ткацкой промышленности въ здѣшнемъ краю—купецъ, подрядчикъ, хозяинъ и работникъ. Купецъ—обыкновенно городскій житель. Онъ выдаетъ деревенскому подрядчику на вѣсъ основу и утокъ для бумажной ткани. Пряденую бумагу купецъ покупаетъ на свои деньги. Онъ принимаетъ отъ подрядчика вытканный миткаль, коленкоръ, кисею, нанку, тоже на вѣсъ, сбавляя по нѣскольку фунтовъ на угаръ, то есть, на необходимую растрату хлопчатой бумаги при ткацѣ. Купецъ платитъ деньги съ куска ткани подрядчику, потомъ обдѣлываетъ ткань окончательно, бѣлитъ, катаетъ, краситъ въ ситцы, лощитъ.

У иного купца въ городѣ фабрика на двадцать на тридцать станковъ, но онъ дѣйствуетъ на двухъ стахъ, на трехъ стахъ станкахъ по деревнямъ и селамъ. Купецъ знаетъ одного подрядчика. Подрядчикъ, взявъ у купца пряжу, раздаетъ ее по деревнямъ хозяевамъ, которые содержатъ артели работниковъ и работницъ. Подрядчиковъ дѣло — отвозить къ купцу издѣліе и привозить изъ городу отъ купца матеріалъ для тканья. Онъ пользуется отъ хозяевъ артелей платою съ аршина ткани за трудъ и посредничество. Хозяева строятъ и содержатъ ткацкія свѣтлицы, которыя обыкновенно чуть лишнутъ на курьихъ ножкахъ. Хозяева работаютъ ткань своею семьей, и нанимаютъ постороннихъ работниковъ и работницъ въ свои свѣтлицы. Такихъ свѣтлицъ въ деревнѣ бываетъ три, четыре, и болѣе.

Отъ Москвы ткачество раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна идетъ къ Ростову, Ярославлю, Угличу: это ткачество изъ льняной пряжи, вырабатываетъ холсты, полотна, столовое бѣлье, скатерти, салфетки. Другая вѣтвь идетъ къ Александрову, Юрьеву-Польскому до Шуи и Вазниковъ. Здѣсь вырабатываются ткани изъ прядеиой хлопчатой бумаги. По настоящему льняныя ткани должны были бы взять вверхъ надъ бумажными, сколько по своей прочности, столько по вліянію на сельское хозяйство, которое добываетъ въ нѣдрахъ государства ленъ, и наконецъ по связи съ важною отраслью ремесленности, фабриками писчей бумаги. Но что дѣлать! Ткачество бумажныхъ издѣлій видимо усиливается и скоро станетъ вытѣснять промышленность и ткатство льняныя. Пестрота, цвѣтистость ситцовъ, прельщаютъ

взоръ и привлекаютъ покупателей. Простонародіе полюбило ситцы. У насъ до сихъ поръ льняная ткань не выдерживаетъ соперничества по дешевизнѣ съ ситцами, то есть съ бумажною тканью. У насъ обыкновенно окрашивается только грубая льняная ткань, толстая холстина въ крашенину на сарафаны и въ набойку на крестьянскія мужскія рубахи и на простые женскіе платки. Тонкихъ полотенъ, которые могли бы поспорить съ ситцами по добротѣ, узору и живости красокъ у насъ не красятъ на платье. Это льняное издѣліе еще не дошло до дешевизны, равной съ бумажными тканями, не усвоило искуства, которое выработываетъ издѣліе быстро въ большомъ количествѣ и дешево. Это жаль. Вспомнить надобно, что ситцы выдѣлываются изъ хлопчатой бумаги, матеріала привознаго изъ-за границы, а льняныя ткани изъ своего туземнаго произведенія, льну. Какія бы ни случились перемѣны въ заграничной торговлѣ, у насъ никогда не было бы недостатка въ туземномъ матеріалѣ, льнѣ, для занятія рукъ льняною тканью.

Но что будетъ, то еще впереди. Теперь поѣзжайте отъ Переяславля-Залѣсскаго къ Ростову и отъ Ростова къ Угличу, во время осени, и вы увидите на сотни верстъ почти безпрерывныя стлища льну. Въ Угличѣ можно купить, пожалуй, на два милліона рублей холста. Льняпымъ промысломъ, покупкою и продажею трепанаго льну и отличною его выдѣлкою славится близь Углича село Зазерье съ деревнями: это матка льняная. Необыкновенно хорошею пряжею изъ льну извѣстно село Кубра близь Ярославля. Десятки

тысячъ рукъ заняты этою промышленностью въ Ярославской и частію во Владимірской губерніи. Въ селѣ Зазерьѣ жила нѣкогда необыкновенная пряха, дьяконица. Она, изъ своего льну, отпрядала чрезвычайно тонкую, ровную и чистую нитку, и вытыкала изъ своей пряжи такой необыкновенной мягкости, плотности и тонкости холстину, что ткань ея удостоилась Высочайшаго вниманія; холстина ея походила на самое лучшее Фламандское полотно.

Города Александровъ, Юрьевъ-Польскій, Шуя и (между ними село Иваново, которое принадлежитъ графу Шереметеву и не уступаетъ этимъ городамъ ни обширностью, ни красотою строенія, ни числомъ и богатствомъ жителей, суть главныя мѣста ткаческой промышлености бумажныхъ издѣлій. Въ Шуѣ одинъ купеческій домъ заводитъ обширную фабрику для прядения хлопчатой бумаги; отложилъ на нее милліонъ рублей, а этихъ милліоновъ наличныхъ денегъ есть у него до пяти, какъ гласитъ стоустая; рѣшился не щадить ничего, чтобъ поставить это заведеніе на степень лучшихъ иностранныхъ прядильныхъ фабрикъ. Этотъ купеческій домъ въ Шуѣ искони богатый, разсчетливый и настойчивый въ исполненіи задуманныхъ предпріятій, имѣетъ всѣ средства, вещественныя и невещественныя, чтобъ сдѣлать свою прядильную фабрику однимъ изъ первыхъ заведеній въ государствѣ. Въ мою бытность фабрика уже отстраивалась и въ 1838 году должна дѣйствовать. Машины выписаны изъ Англіи, искуснѣйшіе мастера предложили хозяину свои услуги. Дай Богъ успѣха заведенію, въ ко-

торомъ нуждается наша ткацкая промышленность бумажныхъ издѣлій. Безъ сомнѣнія, лучше намъ самимъ отпрядать хлопчатую бумагу, получая ее прямо изъ за границы, нежели покупать отъ иностранцевъ пряжу и оплачивать ихъ трудъ первоначальной обдѣлки.

Въ Вязникахъ и Гороховцѣ опять встрѣчается ткачество льняныхъ издѣлій и льняный промыслъ. Первенствующій по уму и богатству, предпріимчивости и оборотливости въ этомъ краю производитель въ обширномъ видѣ льняныхъ издѣлій—купецъ Вязниковскій Елизаровъ. Домъ его въ Вязникахъ съ обширною полотняною фабрикою не уступаетъ огромностью и красивою архитектурою лучшему столичному дому.

Въ десяти верстахъ отъ Гороховца въ лѣсной глуши съ давнихъ временъ стояла на небольшой рѣчкѣ ничтожная мукомольная мѣльница. Кое-какъ съ горемъ пополамъ, она колыхала два постава жернововъ. Купецъ Елизаровъ купилъ это мѣсто, сломалъ дрянную мельницу и поставилъ на этомъ мѣстѣ льно-прядильню на диво цѣлой Европѣ. Струя воды приводитъ въ движеніе двадцать четыре прядильныхъ машинъ по двадцати по четыре веретена; тутъ же есть машины, которыя мнутъ, чешутъ и мыкаютъ ленъ. Пряжа выходитъ тонины удивительной. Еще недавно во Франціи предлагали премію за изобрѣтеніе льнопрядильной машины, которая у насъ въ Россіи давно уже существуетъ. Неусыпно пекущееся о благѣ промышленности правительство великодушно наградило купца Елизарова за изобрѣтеніе. Льняная и пеньковая промышленности могутъ ожидать великой пользы

отъ вязниковскаго фабриканта, умнаго, дѣятельнаго и предпріимчиваго. И теперь Елизаровъ пользуется, сколько можетъ, привычнымъ трудомъ своей стороны, пряжею льну, покупаетъ ее въ большомъ количествѣ, ободряетъ льняную промышленность и даетъ ей лучшее направленіе. Что, еслибъ вздумалъ онъ познакомить ее съ брабантскимъ способомъ сѣять ленъ подъ хворостомъ, для того, чтобъ ленъ не матерѣлъ, но вытягивался вверхъ и доставлялъ самое тончайшее волокно, изъ котораго легко можно отпрядать самой высокой тонины нитку. Этаго роду ленъ берется въ сузелень и на сѣмена не оставляется. Батисты, кружева, трико и другія тонкія и замысловатыя издѣлія, льняныя и пеньковыя, еще ждутъ ума предпріимчиваго и готовы, чтобъ вознаградить трудъ милліонами барышей. За чѣмъ же дѣло? Стоитъ только владѣльцу льно-прядильни возлѣ нея въ бору расчистить польцо и чрезъ посредство Министерства Финансовъ, всегда готоваго споспѣшествовать полезнымъ отечественнымъ предпріятіямъ, выписать какого-нибудь Фламандца, заплатить ему хорошія деньги, перенять искусство посѣва и ращенія льну съ тончайшимъ волокномъ, усвоить это искуство и сдѣлать общенароднымъ. Исполнитель этаго предпріятія воздвигъ бы себѣ въ нѣдрахъ отечественной льняной промышленности монументъ вѣчный, котораго «не сломитъ громъ, ни вихорь быстротечный».

Для многочисленныхъ вязниковскихъ полотняныхъ фабрикъ трудится вся нагорная страна Гороховскаго уѣзда за Клязьмой. Поверхность земли за этой рѣкой

какъ будто взволнована, усѣяна буграми, возвышенностями, между которыми лежатъ долины чрезвычайно плодоносныя для льну. Нагорная сторона сѣетъ въ большомъ количествѣ ленъ и отлично обдѣлываетъ его на пряжу не хуже ростовскаго. Село Фомино Гороховскаго уѣзду и самъ Гороховецъ составляютъ два главныхъ мѣста для сбыту льну и льняной пряжи. Въ городѣ и въ окрестностяхъ прядутъ удивительной тонины нитки для кружевъ. Въ десяти моточкахъ вѣсу бываетъ не болѣе шести золотниковъ. Связочки такихъ нитокъ прежде продавались по двѣнадцати рублей, теперь эта промышленность въ упадкѣ: нѣтъ сбыта потому, что нѣтъ хорошихъ, значительныхъ кружевныхъ фабрикъ. Городъ Гороховецъ есть нашъ Гентъ по своимъ ниткамъ. Этотъ городъ еще славится своими зимними базарами и своими садами вишенъ, такъ называемыхъ владимірскихъ. Городъ стоитъ на рѣкѣ Клязмѣ подъ крутымъ берегомъ. По скату береговому раскинуты вишенные сады. «Скажите, спросилъ я у одного обывателя, что это за башенки въ вашихъ садахъ, возвышающіяся надъ деревьями въ разныхъ мѣстахъ, какъ старинныя бойницы, съ которыхъ летали въ осажденный городъ стрѣлы?» Это наши минареты для садовыхъ сторожей. Отсюда они наблюдаютъ за цѣлостью сада и за сборщицами вишенъ. Садо-хозяева наши нанимаютъ женщинъ съ условіемъ: собирая вишни, непремѣнно пѣть пѣсни. Какъ скоро подъ нимъ деревомъ замолкаетъ голосъ— знакъ, что уста заняты вишнями. Тотчасъ раздается зыкъ гороховскаго дракона съ минарету и разгульная

русская пѣсня снова раздается по саду. — «Для чего протянуты отъ этихъ башенокъ нити по саду въ разныхъ направленіяхъ?» — Вы знаете русскую сказку о Жаръ-птицѣ и Иванѣ-Царевичѣ. Къ клѣткѣ Жаръ-птицы, поставленной въ саду, проведены были струны, которыя тотчасъ давали знать о похитителѣ. Въ нашихъ гороховскихъ садахъ веревочки отъ башенъ въ лѣтнее время унизываются бубенчиками, колокольчиками, стеклушками. Какъ скоро руки сторожа коснутся которой нибудь изъ нихъ, раздается по саду звонъ, гулъ, бряцанье, и пернатые воры, лакомившіеся вишнями, стремглавъ разлетаются съ деревьевъ въ разныя стороны.

На зимніе базары въ Гороховецъ привозятъ изъ низовыхъ хлѣбородныхъ губерній разные съѣстные припасы, хлѣбъ, крупу, муку, горохъ, пшено, рыбу, мясо въ тушахъ. Базаръ здѣсь есть въ тоже время туземная биржа. Изъ села Мстеры, вязниковскаго уѣзду, въ шестнадцати верстахъ отъ Гороховца, каждый четвергъ пріѣзжаютъ на базаръ два крестьянина, братья Большаковы. Они идутъ по базару—и толпа разступается; кивнутъ головой,—и шапки грядой, какъ отъ могучаго вихря, слетаютъ съ маковокъ. Привѣтъ и уваженіе народное встрѣчаютъ ихъ и провожаютъ. На братьяхъ Большаковыхъ тонкаго сукна синіе кафтаны съ позолоченными пуговками, опушенные крымкой, на ногахъ какъ смоль черные щегольскіе валенцы, зеленаго бархату съ бобровымъ околошемъ шапочки на-бекрень. Что это за люди? Калдуны, сваты-гаврильи-

чи или удалые витязи тайнаго промыслу по судамъ на матушкѣ Волгѣ съ своимъ могущественнымъ «Сарынь на кичку!» Нѣтъ это русскіе туземные «братья Родшильды», банкиры своего края и по своему. Они имѣютъ нѣсколько сотъ тысячь рублей капиталу и оживляютъ ими промышленность своего края и торговые обороты, ссужая промышленниковъ тутъ же на мѣстѣ ихъ промысловъ, на базарѣ деньгами. Они раздаютъ деньги мужичкамъ на вѣру, на совѣсть, въ иной базаръ до тридцати тысячь рублей съ тѣмъ что, бывало выдавали имъ цѣлковый по гороховскому курсу, по четыре рубля по двадцати копѣекъ, а ассигнаціи съ промѣномъ по девятнадцати копѣекъ на рубль. Лѣтомъ оба брата Большаковы отправляются изъ дому и разъѣзжаютъ по низовымъ губерніямъ по саратовской и астраханской, гдѣ зимніе ихъ пріятели—должники, окончивъ зимніе промыслы, занимаются лѣтними, рыболовствомъ, добываніемъ соли и другими, — на извѣстныхъ пристаняхъ. Тамъ съ поклономъ и съ «моимъ почтеніемъ» платятся промышленники долгами благодѣтельнымъ братьямъ Большаковымъ, которые за ссуду и одолженіе пользуются тѣмъ, что принимаютъ съ должниковъ цѣлковый рубль по астраханскому курсу, въ три рубля семдесять пять копѣекъ, а ассигнаціи безъ промѣна. Это и составляетъ ихъ выигрышъ. Послѣ этого, говори, пожалуй, что нѣтъ никакой пользы отъ промѣну денегъ. Русскій умъ изъ всего извлечетъ выгоду и все приспособитъ къ дѣлу. Нынче промѣну на деньги не стало, но умъ русскій остался и доброжелательство:

дѣлаются другаго роду добросовѣстныя сдѣлки, о которыхъ сей часъ скажемъ.

Гороховецъ есть предѣлъ ткачества и прядешья. За нимъ на востокъ къ Горбатову и на югъ къ Мурому возникаетъ другая важная промышленность чугунно-плавильная и желѣзныхъ издѣлій. Въ сорока верстахъ отъ Гороховца есть село Павлово, Графа Шереметьева и Ворсла горбатовскаго уѣзда, которыя соперничаютъ съ Тулою стальными и желѣзными издѣліями. Но поѣзжайте отъ Гороховца въ другую сторону, на сѣверъ къ Луху и Пучежу, и передъ вами откроется другая природа, сторона ровная, низменная, гороховскіе Нидерланды. Здѣсь другой міръ промысловъ, другая жизнь, другія занятія. Этотъ край лежитъ за гороховскимъ Ущимъ-Боромъ, встарину глухимъ, дремучимъ. Этотъ край живетъ собственной своей народною жизнью, удовлетворяетъ своими средствами разнообразныя нужды своихъ селъ и деревень и нужды Государства, и весь для чужихъ услугъ. Онъ удивителенъ разнообразіемъ ремеслъ и промысловъ, которыя другому народонаселенію не взойдутъ на умъ; замѣчателенъ своею предпріимчивостію, прозорливыми соображеніями и оборотами мѣны и торговли.

Только-что выѣдете изъ Гороховца и переправитесь подъ городомъ чрезъ рѣку Клязьму, васъ принимаетъ въ нѣдра свои Ущій Боръ краснаго лѣсу, такъ называемый *въѣзжій*. Вы знаете, что такое въѣзжій боръ!—Это обширный лѣсъ, въ который имѣютъ право въѣзжать окрестные жители и рубить лѣсъ, гдѣ угодно и столько угодно. Встарину, когда отъ лѣ-

совъ, дикаго звѣря и разбойниковъ, житья не было, и когда лѣсный матеріалъ былъ ни по чемъ, лѣсами не дорожили. Кажется, нарочно имѣли въ виду поощрять жителей, какъ можно скорѣе истреблять дремучіе лѣса, не приносившіе никакого доходу хозяйству и препятствовавшіе распространенію земледѣлія. Поэтому къ дремучимъ лѣсамъ приписывали разныхъ владѣльцевъ, села и деревни, которыя безъ раздѣла, по произволу, пользовались лѣсомъ на свои нужды, однакожъ не на продажу. Но по пословицѣ «у семи пестуновъ, всегда дитя безъ глазу,» вышло, что владѣльцы, не почитая безраздѣльныхъ боровъ своею собственностію, не только не берегли и не щадили ихъ, но другъ передъ другомъ старались истреблять, добывая для себя сколько возможно больше лѣснаго матеріалу, который легко сбывали и на сторону. Такимъ образомъ прорѣдѣлъ, просвѣтлѣлъ обширный дремучій Ущій Боръ, въ которомъ строеваго лѣса уже не стало.

Это обыкновенная участь угодьевъ въ черезполосномъ или общемъ владѣніи, гдѣ владѣльцы всѣ хозяева и гдѣ нѣтъ настоящаго хозяина. Благодаря попечительному вниманію правительства нашего, этотъ хаосъ землевладѣнія скоро разсѣется; скоро всякій владѣлецъ узнаетъ свою собственность, какъ она есть и должна быть въ своихъ предѣлахъ, вымежуется, положитъ завѣтныя для другихъ грани, и будетъ имѣть возможность беречь для себя и потомства свои угодья, эти помѣстные капиталы, которыхъ ущербъ

и разстройство неразлучны съ разстройствомъ хозяйствъ и обѣдпѣніемъ края.

Ущій боръ простирается отъ Гороховца на сѣверъ слишкомъ на сорокъ верстъ. Имъ раздѣляется гороховскій уѣздъ на двѣ половины, на горную, за Клязмой, и на залѣсную. Дорога идетъ боромъ. На сорока верстахъ нѣтъ ни одной деревни, нѣтъ ни одной хижины, гдѣ проѣзжающій могъ бы остановиться для отдыху и для ночлегу, кромѣ Флорищевой Пустыни иноковъ. Эта обитель помѣщается въ глуши лѣсной, въ двадцати пяти верстахъ отъ Гороховца; за нею боръ идетъ еще на пятнадцать верстъ. Богобоязненные отцы, ревностные сподвижники христіанства, открыли убѣжище для странниковъ въ своей пустынѣ, выстроили противъ обители, обширный и покойный постоялый дворъ съ двумя половинами, для черни и для особъ высшаго званія. Въ зимнюю стужу и вьюгу, въ осеннюю ночь, въ весенніе разливы и водополь, гостепріимное прибѣжище среди дремучаго лѣсу предлагаетъ вамъ покой, съѣстные припасы, уединенное моленіе и христіанскія бесѣды съ благочестивыми иноками. Эта обитель въ Ущемъ Бору для странниковъ тоже, что̀ извѣстный монастырь на Сенъ-Готарѣ.

Въ глухую полночь въ январѣ мѣсяцѣ, по ухабистой дорогѣ, насилу добрался я до постоялаго двора пустыни. Прислужникъ гостинныхъ комнатъ, отставной гвардейскій солдатъ, встрѣтилъ меня и помѣстилъ въ теплыя и чистыя комнаты. Я обрадовался сослуживцу, какъ брату. Невольно вспомнили мы о солдатскомъ

житье бытье, о прошлыхъ походахъ, о ворѣ французѣ, о житьѣ въ Парижѣ, и о прочемъ. Наконецъ потолковали о скоротечности времени и жизни, о мірской суетѣ суетъ, объ истинномъ благополучіи и наслажденіи подъ старость лѣтъ пріютиться къ святой обители, жить богобоязненно, и уединенно, при храмахъ Господнихъ, кому Богъ приведетъ, и наговорившись до сыта, легли спать, но дали слово итти непременно къ заутрени.

Гулъ прекраснаго, звонкаго колокола, гармонически раздававшійся по лѣсу, возвѣстилъ намъ о времени заутренняго моленія. Прислужникъ мой, съ фонаремъ въ рукахъ, повелъ меня въ обитель. Съ своими бѣлыми, высокими стѣнами, которыя въ темнотѣ ночной однѣ бросались въ глаза и казались безконечными, необъятными, уходя въ мрачную густоту лѣса, обитель представлялась воображенію таинственнымъ, настоящимъ святымъ городомъ Давида и Соломона. Мракъ, но уже не сонъ, возлегалъ надъ святынею. Пройдя ворота, мы пробирались мимо келій; оставивъ встороне главную церковь, взошли мы по крутой, широкой, крытой каменной лѣстницѣ во вторый этажъ зданія, въ которомъ въ обширной продолговатой залѣ со сводомъ помѣщалась теплая церковь. Колоннами раздѣлялась она на трапезу и настоящую церковь. Служба уже совершалась. Пѣніе и благоуханіе ладана разносились подъ сводами церкви. Ночной мракъ едва разсѣявался теплющимися передъ иконами свѣчами; молящіеся едва были замѣтны въ дали, какъ тѣни; необыкновенно пріятные, баистые голоса

монаховъ на клиросѣ, между которыми звонкій теноръ разливался свирѣлью, внятно возвѣщали молитвы. Въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ монахи стояли возлѣ колоннъ, около стѣнъ. Для извѣстныхъ молитвъ они всѣ сходились передъ царскія двери, приближались тихою поступью, пѣли всѣ вмѣстѣ, молились всѣ вмѣстѣ, и расходились на свои мѣста. Благочестіе написано было на лицахъ Христовыхъ тружениковъ, смиреномудріе выражалось въ моленьяхъ, земные поклоны представляли уничиженіе рабовъ Божіихъ и преданность волѣ Провидѣнія. Съ благоговѣніемъ и трепетомъ чувствовала все это душа; голосъ мой невольно присоединялся къ иноческому, слезы умиленія не высыхали на глазахъ. Ночь, полусвѣтъ, благочестіе молящихся, трогательное пѣніе братіи, заставляли вкушать неземное блаженство. Душа погружалась въ вѣчность, и, уносясь изъ преходящаго міра, казалось, прикасалась чистаго первоначальнаго источника жизни, правды, благости, премудрости, всемогущества и неистощимаго милосердія.

Флорищева мужская пустынь основана въ 1651 году по благословенію московскаго патріарха Іосифа, благочестивыми монахами, отшельниками Моисеемъ и Мефодіемъ. Они сначала построили деревянную церковь и нѣсколько келій. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, во время своей болѣзни ногами, посѣтилъ Флорищеву обитель, проживъ въ ней нѣсколько недѣль, полюбивъ ея уединеніе и пожаловалъ на сооруженіе каменной церкви и келій значительную сумму денегъ.

Въ день Успенія Божіей Матери здѣсь бываетъ ярморка.

На разсвѣтѣ я оставилъ обитель и еще пятнадцать верстъ проѣхалъ лѣсомъ и десять верстъ открытыми мѣстами до села Пистяковъ, гороховскаго уѣзду, отъ котораго мой деревня лежитъ въ семи верстахъ. Въ Пистяки я пріѣхалъ въ пятницу, въ базарный день. Едва добрался между толпами народу и между возами, стоящими по обѣимъ сторонамъ улицы, съ мукой, крупой, съ рыбой и тушами мяса разнаго рода, до дому бурмистра. Село Пистяки принадлежитъ Графини Паниной. «Что это за обозы съ кипами тянутся у васъ по улицѣ? спросилъ я у бурмистра. И что̀ за лица извощиковъ? Калмыки, татары!» — Точно они, отвѣчалъ бурмистръ: везутъ къ намъ въ село свою ордынскую шерсть, изъ которой мы, и окрестныхъ деревень жители, вяжемъ русскія чулки и варги. Сегодня базаръ. Не угодно ли вамъ взглянуть на нашъ гостинный дворъ, на наше издѣліе и промыслъ, которымъ кормимся?

Лавки такъ называемаго гостинаго двора, плохія, кое-какъ сколоченныя изъ досокъ и занавѣшенныя рогожами, наполнены были шерстяными русскими чулками и варгами, и завалены кипами шерсти. Толпа продавцовъ и покупщиковъ окружали лавки. Хозяину нѣкогда перемолвить слова съ человѣкомъ посторонним. Около пятнадцати тысячь душъ крестьянъ въ селѣ Пистякахъ и въ окрестныхъ деревняхъ, въ томъ числѣ и въ моей отчинѣ, промышляютъ вязаньемъ русскихъ чулокъ и варегъ изъ шерсти, которую при-

возятъ сюда изъ низовыхъ губерній. Въ Пистякахъ одни изъ капиталистовъ крестьянъ торгуютъ шерстью, другіе издѣліемъ. У торговцовъ шерстью крестьяне вязальщики покупаютъ обыкновенно шерсти на цѣлую недѣлю, а торговцамъ чулками и варьгами продаютъ еженедѣльное свое издѣліе и на заработки покупаютъ для себя на базарѣ съѣстные припасы, одежду и все, что необходимо для дома на цѣлую недѣлю. Такимъ образомъ вязальщики существуютъ своимъ рукодѣльемъ отъ пятницы до пятницы. Отъ мала до велика, всѣ мужчины и женщины день и ночь вяжутъ чулки и варги, по большой части одною иглой, съ изумительною скоростью. Иные предпочитаютъ иглѣ четыре спицы. Что, еслибъ благодѣтельная помѣщица выписала для своихъ пистяковскихъ вязальщиковъ чулочный станокъ! На станкѣ выдѣлываются чулки и перчатки несравненно скорѣе и лучше, нежели руками: заронилась бы въ массу промышленаго народа искра искуства и живости труда, промыслъ оживился бы, Пистяки процвѣли и отстроили бы изъ богатствъ своихъ богатый гостинный дворъ, украшеніе села и края.

На Руси съ базарными днями не разлучны разгульное удальство и молодечество, отъ которыхъ мирнымъ и трезвымъ жителямъ часто бываетъ не въ мочь: полезныя занятія ихъ перевертываются вверхъ-дномъ. Село Пистяки отличается въ здѣшнемъ краю порядкомъ и тишиною во время базаровъ. Записные питухи ведутъ себя въ селѣ смирно и осторожно съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ бурмистромъ молодецъ со-

бою, отмѣнно смышленый и трезвый крестьянинъ, торговецъ шерстью. Ему одолжены пистяки спокойнымъ отправленіемъ своихъ промысловъ.

— Видно, у васъ, господинъ бурмистръ, нѣтъ въ селѣ веселаго домика, распредѣлителя питій? Народу бездна, однакожъ, никто не валяется на улицѣ, не бурлитъ, не бушуетъ, какъ вихорь въ полѣ.

— Есть у насъ негодный кабачишка, отвѣчалъ бурмистръ, но въ трехъ шагахъ отъ него построена наша помѣстная контора. Слава Богу, у насъ въ конторѣ, къ нашему счастью, поселились двѣ матушки-кумушки: совѣсть, да строгость! Вотъ, извольте посмотрѣть сюда: идетъ ватага весельчаковъ прошлаго базару. Четверо въ славныхъ тулупахъ, въ казанскихъ шапкахъ; это богатые крестьяне; а возлѣ нихъ пятеро оборванышей; и всѣ они съ метлами въ рукахъ и съ лопатами. Всѣ они за буйство въ прошлый базаръ приговорены конторою мести улицу въ нынѣшній базаръ передъ цѣлымъ народомъ подъ нашею сельскою стражею! Видите, какъ стыдъ надвинулъ на глаза богачей шапки! Не вѣсть что̀ дали бы онѣ, чтобъ не полоть снѣгу и не выносить безчестья отъ своей братьи. Увѣряю васъ, что въ жизнь свою они не забудутъ пистяковскихъ метелъ и лопатокъ, и никогда уже не зашалятъ въ селѣ, хотя бы и подгуляли.

— Честь и хвала твоему благоразумію, Макаръ Ивановичъ, архонтъ пистяковскій!

Онъ сказывалъ мнѣ, что торговый оборотъ каждаго базара шерстью и издѣліемъ бываетъ здѣсь до сту тысячь рублей. Пистяковскіе торговцы чулками и

варгами разсылаютъ свой товаръ возами во всѣ края Россіи. Замѣчена здѣсь въ торговлѣ одна неразгаданная причудливость торгу. Если случится въ базарный день теплая погода, то цѣна на издѣліе чулки и варги понижается, въ морозъ возвышается непремѣнно.

Вязанье чулокъ и варегъ начинается осенью и продолжается до открытія весны. Лѣтомъ народъ расходится на разные промыслы. Дома остаются женскій полъ, старики и малолѣтные, которые кое-какъ ковыряютъ землю. У двухъ дворовъ одна лошадь; своего хлѣба не становится до Рождества. Земледѣліе здѣсь въ пренебреженіи, процвѣтаютъ ремесленность и торговля, доставляющія богатыя заработки. Подъ бокомъ хлѣбородныя низовыя губерніи съ дешевымъ превосходнымъ хлѣбомъ. Не изъ чего хлопотать надъ дурною неблагодарною почвою. Пистяковцы, занимаясь вязаньемъ чулокъ и варегъ, не имѣютъ времени прясть для себя ленъ и ткать холстину для необходимой одежды. Къ ихъ услугамъ трудится съ окрестными деревнями тысячь до шести душъ, село Верхній Ландехъ, отъ Пистяковъ въ пятнадцати верстахъ. Оно принадлежитъ разнымъ помѣщикамъ; оно тчетъ синюю пестрядь (бумажную ткань) для крестьянскихъ рубахъ и ковыряетъ лапти. Синей пестряди и лаптей здѣсь выдѣлывается въ годъ болѣе, нежели на шестьдесятъ тысячь рублей. То и другое отправляется обозами въ разные города Россіи. Красную пестрядь тчетъ село Васильевское съ деревнями, въ сорока верстахъ отъ Пистяковъ. Въ этомъ же селѣ выдѣлывается для русскихъ сапоговъ кожа. Бѣлую

крестьянскую холстину, или такъ называемую новину, работаетъ село Мытъ съ деревнями, въ тридцати верстахъ отъ Пистяковъ. Здѣсь красятъ ее и набиваютъ. Старый и малый обоего пола, день и ночь прядутъ ленъ на русскую холстину. Въ каждомъ изъ этихъ селъ бываютъ еженедѣльно базары.

Въ Верхнемъ Ландехѣ живетъ еще другой туземный банкиръ, русскій мужичекъ Богатковъ, принадлежащій генералу Кокошкину. Это «Гопъ и Компанія» здѣшняго краю. Богатковъ, вмѣстѣ съ другимъ мужичкомъ, сосѣдомъ, составили товарищество, не на акціяхъ, но на совѣсти; сложились капиталами, и въ базарные дни въ селѣ Пистякахъ, въ Ландехѣ, у Макарія Пуреха, въ селѣ Мыту, Холуѣ, раздаютъ деньги въ ссуду промышленникамъ и оживляютъ мѣстную дѣятельность. Общаго капитала у нихъ до двухъ сотъ пятидесяти тысячь. Я видѣлъ Богаткова у моего хозяина, пистяковскаго бурмистра, на завтракѣ. Богатковъ, мужчина лѣтъ сорока, рослый, черноволосый, дородный, бородку подстригаетъ; одѣтъ щегольски на русскій ладъ. Краснобай умный. Онъ хвалилъ свой край и Русь Православную; въ пылу разговора со мною о державѣ Русской, онъ съ огнемъ въ глазахъ поздравствовалъ чарочкой Царя Бѣлаго, превозносилъ его премудрость. Мнѣ казалось, что я вижу передъ собою Кузьму Минина, патріота-простолюдина. Богаткова и другихъ крестьянъ, почетныхъ торговцевъ, угощалъ мой хозяинъ на славу, подчивалъ чаемъ, бѣлымъ виномъ, рыбой, икрой, драченой, орѣхами, пряниками, черносливомъ. Между каждымъ «нѣмецкимъ»

питіемъ и кускомъ тотчасъ появлялся родный батюшка, ерофеичъ, правило и лекарь живота русскаго. Ни одинъ изъ гостей не вышелъ изъ-за стола пьянымъ. «Оттого они и богаты» шепнулъ мнѣ пистяковскій бурмистръ: «что никогда не выропятъ изъ головы разуму!»

Богатковъ и другіе крестьяне кушали за столомъ мало, пили много, и особенно чаю, безпрестанно крестились за каждымъ кускомъ и чаркой, обнимались безъ счету разъ, и за столомъ заключали свои сдѣлки совѣстливо и добродушно. Вставъ изъ-за стола, Богатковъ при мнѣ отсчиталъ одному въ преогромномъ тулупѣ мужичку-промышленнику пять тысячь рублей, съ условіемъ, возвратить деньги чрезъ полгода. — Этотъ крестьянинъ вашей деревни? — «Нѣтъ.» — Такъ, по крайней мѣрѣ, одной барщины? — «Нѣтъ, вовсе посторонній. Онъ живетъ за семьдесятъ верстъ отсюда, торгуетъ исправно рыбой и хлѣбомъ.» — Какъ же ты, господинъ Богатковъ, даешь чужому человѣку значительную сумму денегъ безъ росписки? — «Да онъ не грамотный» отвѣчалъ Богатковъ. «Все равно, я запишу въ свою книгу, что ему выданы деньги. Меня родители обучили грамотѣ, его нѣтъ, и онъ не виноватъ.» — Но, онъ можетъ отпереться, скажетъ не бралъ и пиши пропало? — «А гдѣ же совѣсть? Государь мой, ваше высокоблагородіе, у насъ всѣ дѣла совѣстныя, а совѣсть дороже росписки.» — А сколько берешь ты за ссуду? — «Разно, кто что можетъ. Если иного нашего брата, промышленника, Богъ благословитъ хорошимъ барышомъ, то такой за ссуду запла-

титъ росту больше, другой меньше, а иной и вовсе ничего. Да еще мы ему поможемъ, если стряслась надъ нимъ бѣда неминучая и, по Божіей волѣ, что потеряетъ! Мы несчастному пріятелю помогаемъ; онъ опять поправляется и потомъ разсчитывается съ нами честно.»—А умретъ?—«Такъ семья если не бѣдна, расплатится. Это у насъ бываетъ сплошь и рядомъ. Вѣдь у насъ всѣ дѣла совѣстныя, дружескія, а не судебныя.»—Но если иной плутъ прикинется и скажетъ ложно, что разорился, и платить не захочетъ?—«Этому быть нельзя. Мы другъ друга знаемъ вдоль и поперегъ, и другъ за друга держимся крѣпко. У насъ всѣ промышленники нашего краю на слуху, знаемъ, гдѣ кто былъ и что добылъ, худо или счастливо промышлялъ; все это намъ извѣстно. Обмануть же удастся однажды. Послѣ уже къ намъ и глазъ не показывай и не живи на свѣтѣ, покинь здѣшнюю сторону и весь свой привычный промыслъ. Не будетъ съ нимъ ни знакомства, ни ему довѣрія. Никто никакого дѣла не будетъ имѣть съ плутомъ, ребятишки его засмѣютъ на улицѣ. Въ этомъ-то и дѣло, что у насъ всѣ дѣла дружескія и крѣпки словомъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ тулупъ, которому я сейчасъ отсчиталъ деньги: онъ хоть нагольный тулупъ, да подъ нимъ-то душа добрая и честная, да и голова приставлена къ плечамъ разумная. Дѣтина торгуетъ хорошо, удачно, смышлено, а платитъ долги вдвое лучше того.»—Правда твоя, Аѳанасій Ивановичъ! возговорилъ тулупъ нагольный: ты прошлаго года меня выручилъ, а годъ хотѣлъ выучить; ты ссудилъ меня десятью тысячами, и я по-

правился. Скажи гостю-барину, всѣ ли выплатилъ я тебѣ денежки до копѣечки, и съ благодарностью? Доволенъ ли, Аѳанасій Ивановичъ! — «Доволенъ» отвѣчалъ Богатковъ: «и впредь повѣрю.»—А какъ велика была благодарность? спросилъ я.—Объ этомъ его душа знаетъ, да моя, отвѣчалъ тулупъ. Мы оба довольны, и все тутъ. Желаю, тебѣ, нашъ другъ *любезнѣйшій* Аѳанасій Ивановичъ, здравствовать многія лѣта съ хозяюшкой и дѣтками!—Заемщикъ и заимодавецъ налили по рюмкѣ бѣлаго, чокнулись, выпили и обнялись крѣпко. Вотъ вамъ русская биржа и маклерство! Крѣпко у меня закипѣло ретивое, чуть было не дошло до слезъ. Тронулась душа глубоко русскими добродѣтелями, народными, прадѣдовскими, простыми, благословенными. Воображеніе тотчасъ перенесло меня за нѣсколько столѣтій въ глубину прошедшаго. Мнѣ казалось, что я посреди бородатыхъ нашихъ предковъ, дворянъ и бояръ, въ брусяной избѣ, за дубовымъ столомъ и на тесовой чистой лавочкѣ, и вижу ихъ простое, радушное обхожденіе, дружескую связь, основанную на совѣсти и на взаимномъ доброжелательствѣ безъ всякаго жеманства, хитрыхъ и коварныхъ личинъ нынѣшняго моднаго свѣта. Господа писатели о финансахъ и кредитѣ! въ совѣсти ищите основаній кредита, довѣрія; народною совѣстью и честью поднимайте довѣріе и кредитъ, о которыхъ такъ много нынче говорятъ и пишутъ ученые по уму, но безъ участія сердца и опыта.

Съ пистяковскимъ бурмистромъ мы ѣздили въ село Нижній-Ландехъ. Тамъ сосредоточивается помѣст-

ное управленіе отчинъ графини Паниной. Тамъ живетъ и главный управляющій. Нижній-Ландекъ не село, а городокъ, съ великолѣпною дву-этажною церковью, построенною усердіемъ крестьянъ, и съ нѣсколькими улицами, которыя застроены большею частію каменными домами. Главный управляющій былъ старый мой знакомецъ, членъ Вольнаго Экономическаго Общества, ротмистръ Екатерининскихъ временъ, а теперь его высокоблагородіе, надворный совѣтникъ фонъ Т***. Ему давно уже за семдесятъ лѣтъ, но время, кажется, не прикоснулось къ нему своимъ разрушительнымъ крыломъ. Какъ юноша онъ бодръ, какъ тополь прямъ, какъ книга уменъ и говорливъ, распорядителенъ и справедливъ, да прямодушенъ въ управленіи. Въ отчинахъ его любятъ и уважаютъ. Онъ во всемъ еще непстощимъ, и въ душевныхъ и въ физическихъ силахъ. Третья супруга услаждаетъ его путь жизни. Мы обрадовались неожиданному свиданію, какъ воронъ ворону. Разговорились мы о московской и петербургской «агрономіи», о различіи ея отъ народнаго хозяйства, о житьѣ-бытьѣ здѣшняго края. Бесѣда съ маститымъ старикомъ-юношей останется навсегда незабвенною въ моей памяти. Послѣ обѣда мы ходили по селу, по заведеніямъ фонъ Т*** и осматривали великолѣпную церковь.

Вотъ уже болѣе полувѣку я хозяйничаю въ Россіи, сказалъ мнѣ фонъ Т.... Я управлялъ въ разныхъ мѣстахъ и русскими и малороссійскими вотчинами, и вездѣ находилъ разницу въ хозяйскихъ мѣрахъ и распоряженіяхъ. Каждое хозяйство имѣетъ свои источ-

ники доходовъ, свои угодья, свои мѣстныя средства и оттѣнки въ способахъ дѣйствія. Каждый край имѣетъ свои нужды и требованія, свой сбытъ, свои цѣнныя произведенія, которыя выгодно выдѣлывать. Все это необходимо напередъ узнать, какъ пять пальцевъ, и потомъ уже, судя по мѣстности и по требованіямъ краю, располагать хозяйство. У насъ *Теорія агрономическая* проповѣдывала и проповѣдуетъ о сельскомъ хозяйствѣ другое. Прежде бывало, превозносила она иностранныя хозяйства, составляла правила изъ иностранныхъ книгъ, основывала правила на образцахъ иностраннаго хозяйства. Такимъ образомъ теорія расходилась въ разныя стороны съ народнымъ сельскимъ хозяйствомъ. Она не хотѣла знать ни фактовъ нашей народной промышленности ни опытныхъ дѣйствій, пренебрегала мѣстными свѣдѣніями. Что ей было за дѣло до нашего народнаго земледѣлія, до состоянія нашихъ огородовъ, садовъ, лѣсовъ, луговъ, до нравовъ, обычаевъ, степени образованности народной, до нашихъ нуждъ и потребностей. Теорія не замѣчала и не хотѣла описывать нашего хозяственнаго управленія, скотоводства, ремеслъ, какъ будто бы ихъ вовсе не бывало. Англійскія, голландскія фермы, нѣмецкія аренды — вотъ что превозносила теорія. Между тѣмъ дѣйствія и способы всякаго народнаго хозяйства любопытны и поучительны, положимъ даже, по своимъ ошибкамъ и недостаткамъ. Надобно же знать когда нибудь что такое свое народное хозяйство и что въ немъ дурнаго, чтобъ умѣть кстати поправлять и улучшать существующее, а не мечту. Наше русское сель-

ское хозяйство, особливо съ крѣпостною собственностью имѣетъ свой типъ оригинальный, который должно изучить основательно. Оно не сходно съ иностраннымъ ни въ основаніяхъ, ни въ расчетахъ хозяйскихъ ни въ самомъ дѣйствіи. Въ Россіи пытались не одинъ разъ хозяйничать по иностраннымъ образцамъ, по иностраннымъ книгамъ, но опытъ доказалъ что русское хозяйство, передѣланное по иностраннымъ образцамъ никуда не годится, что это трудъ напрасный, неумѣстный, раззорительный. Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя выучиться русскому языку по иностраннымъ языкамъ, не упражняясь въ чтеніи, сочиненіи, не вникая въ духъ и свойства своего языка. Пытались ломать языкъ русскій и втискивать въ формы латинскаго, нѣмецкаго. Чтожъ изъ этого выходило? Ничего другаго, кромѣ особаго нарѣчія, надутаго, искаженнаго, книжнаго, не сходнаго ни съ духомъ ни свойствами языка русскаго. Съ этой стороны теорія уже не опасна: заблужденія ея сдѣлались для всѣхъ очевидными, она не собьетъ съ толку прежними своими умствованіями нынѣшнихъ производителей сельскаго хозяйства. Но она хитра; она тотчасъ перемѣнила позицію, выбрала ее себѣ на неприступныхъ высотахъ трансцендентальнаго идеализма, тамъ выстроила свои батареи и громитъ изъ нихъ по нашей братьѣ, опытнымъ сельскимъ хозяевамъ, которыхъ ни во что не ставитъ. Вотъ она усиливается теперь: всѣ опытныя дѣйствія, нашъ трудъ промышленный положительный превратить въ отвлеченное умствованіе, наполнить умозрѣніями, созерцаніями

á priori, чтобъ вывесть постоянныя, неизмѣнныя правила сельскаго хозяйства для всѣхъ странъ и народовъ, для всѣхъ вѣковъ и нарожденій, словомъ, сдѣлать ихъ такими, какъ правила чистой математики и другихъ наукъ. Величайшее заблужденіе! Изъ промышленности, труда мѣстнаго, дѣйствительнаго, котораго цѣль—добывать своевременныя цѣнности по нуждамъ и требованіямъ своего краю и своего вѣку, не возсоздать науки отвлеченной, игры идей, которыя можно переставлять умственно, какъ хочешь, и изъ которыхъ выстроивай, сколько душѣ угодно, въ книгахъ правилъ всеобщихъ вѣчныхъ и безконечныхъ, и системъ для земнаго шару мечтательныхъ и безполезныхъ. Сельскому хозяйству, ремесленности, торговлѣ не бывать науками отвлеченными: правила промышленностей не могутъ несогласоваться съ опытнымъ дѣлопроизводствомъ, не должны розниться съ настоящимъ дѣломъ, и зависѣть отъ выводовъ à priori, а не отъ самыхъ дѣйствій и образцовъ мѣстнаго труда. И на оборотъ наукамъ отвлеченнымъ Математикѣ и другимъ, извлекающимъ свои положенія изъ чистаго ума, изъ созерцаній, невависимо отъ существующихъ дѣлъ и вещей, не бывать никогда промышленностями—знаніемъ развитія труда, употребленія капиталовъ, составленія богатствъ частныхъ и государственныхъ, образующихся изъ дѣйствій и оборотовъ мѣстныхъ, промышленныхъ. На это наводитъ сельскаго хозяина Политическая Экономія, родоначальница всѣхъ промышленностей. Она составляетъ свои положенія изъ наблюденій фактовъ, опытныхъ дѣйствій и образцовъ въ государственномъ

хозяйствѣ и въ промышленностяхъ. Опираясь на эти знанія и наблюденія, она выводитъ правила составленія, распредѣленія и издерживанія цѣнностей, капиталовъ, и богатствъ частныхъ и общественныхъ въ семействахъ и въ государствѣ. И такъ именно правилъ Политической Экономіи, знанія положительнаго, а не мечтательныхъ умозрѣній слѣдуетъ придерживаться домовитому сельскому хозяину, который хочетъ нажить, а не прожить добра. Предпочтеніе умозрѣній, утопій опытному указанію на дѣлопроизводство, поведетъ не къ опытному, а къ умозрительному хозяйству, которое и произведетъ умозрительныя цѣнности, безполезныя.—Это однакожъ еще не послѣдняя странность нынѣшней теоріи сельскаго хозяйства. Упорная въ своихъ мнѣніяхъ, заносчивая и неукротимая она вздумала — преобразовать или лучше сказать поставить вверхъ дномъ цѣлое зданіе сельскаго хозяйства. Вы знаете, что кругъ сельскаго хозяйства обширенъ и многосложенъ, заключаетъ въ себѣ *Домоводство* съ вотчиннымъ управленіемъ, счетоводствомъ и прочая, *Земледѣліе*, которое завѣдываетъ садами, огородами, полями лугами, лѣсами; *Разведеніе* скота крупнаго и мелкаго, домашнихъ птицъ и пчелъ; къ немуже принадлежатъ *Сельскія ремесла*, Сельская Архитектура, Механика, Технологія. Это есть древо труда народнаго многовѣтвистое и обширное. Нынѣшняя теорія, дитя фантазіи — отпусти ей Господи ребяческое прегрѣшеніе — вздумала превратить колоссъ въ пигмея, цѣлое пышное дерево, которое не легко обнять глазомъ ума прозорливаго,

сжать въ одну вѣтку. Вы догадываетесь, навѣрное, о какихъ замыслахъ теоріи хочу сказать. Она безъ зазрѣнія совѣсти обстригаетъ широкія крылья промышленности сельскаго хозяйства и заключаетъ ее въ тѣсныя рамки «Агрономіи». Богъ вѣсть, почему понравилось нашей теоріи это иностранное словцо — Агрономія, которая на русскомъ языкѣ значитъ слово въ слово полеводство. Кто выбралъ изъ цѣлой области сельскаго хозяйства, изъ цѣлаго круга земледѣлія одинъ предметъ—поля пахотныя и занимается пахотными полями, тотъ Агрономъ. Не опредѣливъ настоящаго смыслу и значенія этого слова, не соединивъ съ нимъ яснаго понятія, наша теорія, жалуетъ нашего брата опытнаго, домовитаго сельскаго хозяина, у котораго въ рукахъ вотчины съ дворовыми людьми и крестьянами; кромѣ полей, сады, огороды, лѣса луга; кромѣ полей въ распоряженіи фабрики, заводы жалуетъ, говорю, въ Агрономы, Полеводы, полагая возвысить достоинство сельскаго хозяина; придать ему больше важности и значенія. А выходитъ на дѣлѣ, какъ вы увидите, напротивъ. Перекрестить сельскаго хозяина въ Агрономы или Полеводы, значитъ понизить его, ограничить кругъ его дѣйствій, изъ полнаго распорядителя разжаловать въ частные смотрители пахотнаго поля. Назвать агрономомъ сельскаго хозяина значитъ тоже, что назвать его огородникомъ, садовникомъ, лѣсничимъ, конюшимъ, скотникомъ, ткачемъ, бѣлильщикомъ, угольщикомъ, машинистомъ и прочая, тогда какъ въ рукахъ сельскаго хозяина находятся не одни поля, но очень часто

сады, огороды, луга, лѣса, дворовые люди и крестьяне, хлѣбопашцы и разные ремесленники, сельскіе усадьбы, наполненныя домашними животными, которыя раціональному хозяину слѣдуетъ удобно расположить и хозяйственно выстроить, словомъ цѣлыя вотчины, требующія порядка и устройства. Агрономія есть только одна изъ отраслей земледѣлія, помѣщающаяся между другими сверстниками: садоводствомъ, огородничествомъ, луговодствомъ, лѣсоводствомъ. Каждое изъ нихъ можетъ, по мѣстности, доставить иногда гораздо болѣе доходу, нежели полеводство, или агрономія.

Смѣшанныя, запутанныя понятія вредятъ успѣхамъ дѣла, останавливаютъ ходъ и развитіе промышленностей. Это очевидно. Возвышать надъ всѣми отраслями сельскаго хозяйства одно только полеводство, превозносить его, вести трудъ промышленности по одному только пути, не значитъ ли дѣлать его односторонним? Направляя вниманіе, посвящая капиталы сельскихъ хозяевъ однимъ только полямъ, которыя по мѣстности, въ иномъ помѣстьѣ никогда не могутъ быть хлѣбороднымн, вы явно подрываете всѣ другія отрасли сельскаго хозяйства, которыя, по обстоятельствамъ и мѣстнымъ удобствамъ, могутъ быть во сто разъ доходнѣе пахотныхъ полей. Однообразія въ трудахъ промышленныхъ быть не можетъ. Это не ихъ естественный ходъ, потому что промышленности приготовляютъ свои произведенія для удовлетворенія нуждъ своего дому, своего краю и требованій государства, а нужды человѣческія и требованія благоу-

строеннаго государства всегда бываютъ безчисленны и разнообразны. Нашъ край есть живой тому примѣръ. Наше село Нижній-Ландехъ — гнѣздо торговцевъ краснымъ товаромъ. Мужички большіе капиталисты. Они посылаютъ такъ называемыхъ ходебщиковъ (разносчиковъ) съ разнымъ краснымъ товаромъ въ Малороссію, на Украйну, получаютъ большіе барыши, богатѣютъ, строятъ себѣ каменные домы, выписываютъ для своихъ домовъ мебель изъ Москвы, одѣваютъ женъ своихъ въ левантинъ, да еще во французскій. Когда женятся, то дай невѣстѣ шубейку соболью, да салопъ на чернобурыхъ лисицахъ. Человѣкъ здѣсь удивительно промышленный; да и весь здѣшній край на чудо. Народъ чертовски смышленъ, оборотливъ, предпріимчивъ. Богъ знаетъ, чего онъ ни дѣлаетъ и какими ремеслами и рукодѣльями ни занимается! Оброки платитъ онъ исправно и безнедомочно; и оброки свои разсчитываетъ по своему обычаю, а кто ввелъ этотъ обычай, не доберешься. Вотъ этотъ мужичекъ, что провожалъ насъ въ церковь, староста церковный, старичокъ, живетъ одинъ душою на углу въ каменномъ домѣ. Дѣтей онъ не имѣетъ, а платитъ четыреста пятьдесятъ оброковъ съ одной души.—Что это значитъ? спросилъ я.—Странное заведеніе! Здѣсь считаютъ оброки паями, или участками; каждый участокъ, или пай, состоитъ изъ семидесяти пяти копѣекъ, а въ Верхнемъ-Ландехѣ изъ тридцати копѣекъ. У насъ иные мужички платятъ по сту пятидесяти, по двѣсте, по триста и болѣе оброковъ въ годъ, то есть: по сту двѣнадцати рублей пя-

тидесяти копѣекъ, по сту пятидесяти рублей, по двѣсти двадцати пяти рублей, и такъ далѣе. Оброки здѣсь платятся не съ земли, которой весьма много, но которой никто не обработываетъ, кромѣ бѣдняковъ безкапитальныхъ. Земледѣліе въ совершенномъ пренебреженіи. Это жаль, но не безъ причины. Зимою изъ низовыхъ губерній привозятъ сюда все, что душѣ угодно. Здѣсь можно купить за дешевую цѣну всякіе съѣстные припасы, муку, крупу, солодъ, горохъ, толокно, рыбу, мясо. Поэтому, здѣшніе крестьяне о своей плохой землѣ не заботятся, собираютъ большею частію сѣно, а хлѣбомъ съ своихъ полей не прокармливаются и до Михайлова дня. Оброки платятся здѣсь съ промысловъ и, какъ промыслы, они ежегодно измѣняются. Ежегодно крестьяне выбираютъ между собою людей добросовѣстныхъ, которые, какъ римскіе цензоры, ходятъ по дворамъ: зная всѣхъ мужичковъ наизустъ и всѣ ихъ промыслы и доходы наперечетъ, они устанавливаютъ, сколько каждый хозяинъ дому можетъ платить съ своей семьи оброку на предыдущій годъ. Иной платилъ прошлаго года двѣсти оброку, на будущій годъ будетъ платить двѣсти пятьдесятъ, потому что послалъ отъ себя больше ходебщиковъ съ товаромъ и на-оборотъ. Оброкъ здѣсь, повторяю, установляется съ промысловъ.

Нынче мы, помѣщики, безъ умолку толкуемъ, продолжалъ говорить фонъ Т***, вкось и впрямъ объ оцѣнкѣ земли и о платѣ оброка съ количества земли. Съ такою платою въ нашихъ промышленныхъ кра-

яхъ наплачешься: тотчасъ сдѣлаешь промахъ въ хозяйствѣ. Положивъ оброкъ съ земли, которая здѣсь большею частію лежитъ впустѣ, невоздѣланная, какой можно надѣяться получать доходъ отъ помѣстья съ крестьянами не земледѣльцами, но промышленниками ремесленными и торговыми? Ничтожный! Если помѣщики станутъ принуждать мужиковъ брать землю въ большомъ количествѣ для большей платы оброковъ, и если станутъ заставлять ихъ сидѣть дома и пахать землю, то разстроится обычный народный трудъ, перервутся прибыльные промыслы, ремесленные и торговые. Ко вреду края, остановится движеніе капиталовъ, которые употреблены уже на промышленности, а земледѣліе по прежнему останется въ младенчествѣ, потому что ни мужики, ни даже наша братья помѣщики, не умѣемъ производительно, т. е. съ пользою, класть въ землю капиталовъ и получать отъ нея хорошихъ доходовъ, для которыхъ нужно искусство, вовсе незнакомое нашимъ крестьянамъ. Земледѣліе, сколько бы мы къ нему ни принуждали, все таки не улучшится, оставаясь при своихъ прадѣдовскихъ дряныхъ орудіяхъ и при своемъ обычномъ безотчетномъ дѣлопроизводствѣ. Въ промышленностяхъ ни мечтательность безъ опытности, ни упрямая настойчивость безъ знанія мѣстности, никуда не годятся. Напрасно стали бы мы итти вопреки мѣстныхъ средствъ, на перекоръ природѣ и труду, освященному временемъ, труду привычному и притомъ выгодному и общеполезному. Нашъ здѣшній промышленный народъ не привыкъ вовсе къ земле-

дѣлію; онъ станетъ отпираться отъ земли, станетъ брать какой нибудь клочекъ и платить за него оброкъ самый малый. Съ землею ремесленному и торговому человѣку не сладить.

Знаете ли, здѣсь даже не тягла и не вѣнцы даютъ хорошіе оброки, но именно душа, другими словами, личная промышленность крестьянина? Здѣсь старикъ-капиталистъ, посылающій пятокъ другой ходебщиковъ съ товаромъ, платитъ вамъ втрое больше оброку, нежели четверо молодцовъ безкапитальныхъ. Одинъ душою, но умный, заботливый, трезвый крестьянинъ, замѣняетъ вамъ по оброку пятерыхъ сильныхъ, здоровыхъ неучей, бѣдняковъ, гулякъ, у которыхъ нѣтъ за душею ни ремесла, ни копѣйки денегъ. Надобно знать край, мѣстность, народные промыслы и по нимъ хозяйничать, по нимъ располагать мѣстное управленіе и назначать доходы, а не по догадкамъ, по теоріи, по умозрѣніямъ и по розсказнямъ иностранцевъ о томъ, что у нихъ дѣлается.

При этомъ нельзя не взять въ разчетъ хозяину и того сколько въ Велико-Россійскихъ губерніяхъ посвящается времени на земледѣліе? Четыре, пять мѣсяцевъ не болѣе. Въ остальныя двѣ трети года земля лежитъ безъ производимости, омертвелою. Какъ возможно послѣ этого безъ ошибки основывать годовой доходъ на одной трети времени и труда въ теченіе года? Нашему великороссійскому мужичку необходимо присоединить къ сохѣ еще посторонній промыслъ на семь мѣсяцевъ неземледѣльческихъ. Онъ долженъ снаряжать телѣгу, сплавлять суда, дѣйствовать топо-

ромъ, иглой, ставить ткацкіе станки на осень, на зиму, на раннюю весну. Въ нашъ вѣкъ отъ одного земледѣлія мужику не разбогатѣть и не разжиться.

Вотъ вамъ фактъ. На поперечникѣ ста верстъ, котораго центромъ село Пистяки, помѣщаются села и деревни съ народомъ, который совершенно понялъ по уму и опыту свой край, мѣстную природу, положеніе и свои выгоды, и который по нимъ расположилъ жизнь свою и промыслъ, слушайте, слушайте. Вы уже знаете, чѣмъ промышляютъ Пистяковцы въ осеннее и зимнее время; чѣмъ занимаются селы Верхній Ландехъ, Васильевское, Мытъ и Нижній Ландехъ. Но вотъ еще примѣры: отъ Пистяковъ въ двадцати пяти верстахъ находится на границѣ владимірской губерніи село Макарій Пурехъ, балахнинскаго уѣзда нижегородской губерніи, отчина, принадлежавшая нѣкогда князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. Теперь оно принадлежитъ графинѣ Мамоновой. Въ этомъ селѣ и въ окрестныхъ деревняхъ мужички по зимѣ, по осени и весной, и даже лѣтомъ, дѣлаютъ деревянную посуду, ложки, чашки, точатъ веретена, дѣлаютъ кудели, гребни, ткутъ синюю и красную пестрядь.

Вамъ не случалось быть въ этомъ достопамятномъ селѣ! Народъ путешествуетъ туда какъ Турки въ Мекку, съ благоговѣйнымъ усердіемъ для колѣнопреклоненія въ старинной церкви, построенной знаменитымъ боярином князем Д. М. Пожарскимъ. Церковь двуэтажная. Въ верхней церкви предъ царскими дверьми развѣшена та самая хоругвь, съ которою князь По-

жарскій ходилъ спасать Москву съ нижегородскою ратью. На одной сторонѣ хоругви нерукотворенный ликъ Спасителя, на другой Іисусъ Навинъ, выходящій на брань и встрѣчающій ангела. Народъ повергается толпами ницъ передъ этою святынею.

Церковники вамъ покажутъ печатное Евангеліе, подаренное сыномъ князя Дмитрія Михайловича княземъ Петромъ и подписанное его рукою; также, нѣсколько утвари, подаренной самимъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ; покажутъ вамъ Гривну, которую носилъ князь на шеѣ на голубой лентѣ и самую эту ленту; также покажутъ перевязь, которую князь носилъ чрезъ плечо. Эта перевязь—алая лента съ желтыми каймами. Все это видимо новѣйшія древности. Гривна — не что иное, какъ родъ звѣзды, шитой капителью; на ней изъ капители же вышитъ крестъ; въ немъ по краямъ вышиты буквы P. F. P. L. то есть, pro fide, patria et lege. Это, кажется, одинъ изъ девизовъ прежней Польши. Отъ села въ двѣнадцати верстахъ, вамъ покажутъ мѣсто, на которомъ видны валъ и развалившіеся каменные погреба. Здѣсь, скажутъ вамъ, была усадьба княжая любимая, въ которой часто жилъ князь Дмитрій Михайловичъ и охотился. Достовѣрно только то, что весь здѣшній край, начиная отъ села Мыта, принадлежащаго теперь князьямъ Голицынымъ, по обѣимъ берегамъ рѣки Лухъ, которая взялась отъ села Мыту, протекаетъ близъ Пистяковъ и идетъ къ селу Макарію Пурехуу, нѣкогда принадлежалъ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. Это было его помѣстье, которое потомъ пожа-

ловано ему за заслуги Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ родовую отчину.—Вы знаете, что встарину съ помѣстьевъ служили; раздавались земли пустопорожнія, иногда съ крестьянами, или какъ прежде говорили, верстались, смотря по чину и занимаемому мѣсту на службѣ, помѣстными окладами. За оказанныя царю и отечеству услуги жаловались помѣстья въ родовыя вотчины. Помѣщики не имѣли права сводить крестьянъ съ помѣстныхъ земель на вотчинныя. У меня есть копія съ жалованной грамоты Царя Михаила Ѳеодоровича князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. Въ ней эти мѣста подробно описаны. Многія названія пустошей и деревень остались, многія исчезли, возникли другія съ другими деревнями. Вотъ вамъ для любопытства хартія, прочтите.

Жалованная грамота Государя Царя Михаила Ѳеодоровича боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому.

«Божіею милостію, Мы Великій Государь Царь и «Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Руссіи Са«модержецъ, пожаловали боярина Нашего князя Дми«трія Михайловича Пожарскаго, за его къ Намъ и все«му Московскому Государству службу: какъ во 126 «году (7126 или (1618) пришелъ подъ Наше государ«ство подъ Москву Литовскаго короля Жигимонтовъ «сынъ, Владиславъ, и въ 127 году стоялъ подъ Мос«квою со многими польскими, и литовскими и съ нѣ«мецкими людьми и съ черкесы, и Московское госу-

«дарство всякими умыслы и прелестью прельщалъ, и «жестокими приступами доступалъ, и хотѣлъ разорить «до основанія. И боярин Нашъ князь Дмитрій Михай- «ловичъ съ Нами Великимъ Государемъ Царемъ и Ве- «ликимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ всея Рус- «сіи на Москвѣ въ осадѣ сидѣлъ, и противъ королеви- «ча, Владислава и прочихъ людей крѣпко сражался, «и многую службу показалъ.—И, королевичь Влади- «славъ и прочіе, слыша Нашихъ людей твердость, а «бояръ Нашихъ и воеводъ, которые были на Москвѣ «и изъ осады посланы по городамъ, видя надъ собою «прямое и крѣпкое стоятельство, учинили съ боляры «Нашими и со всею Московскаго государства землею «перемиріе, и изъ государства королевичь съ прочими «людьми вышли въ Литву, Польшу и города. И за «тѣ службы, Мы Великій Государь Царь и Великій «Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Руссіи Самодер- «жецъ, пожаловали боярина Нашего князя Дмитрія «Михайловича Пожарскаго, изъ его помѣстья въ вот- «чину, въ Суздальскомъ уѣздѣ села Мыту съ дерев- «нями, что осталось у сына его князя Петра, за вот- «чиною дачею деревни Дедьковѣ, Кресты, Леушино, «Уланово тожъ, Максимово, Капинская и Волки тожъ, «на рѣчкѣ на Каменкѣ, Смачинское, Бараново тожъ, «Мартыновка, Игнатомыцкая на рѣкѣ на Луху, Ок- «сельнова, Редозубово тожъ, въ деревнѣ Шапатихѣ, «Нетелино тожъ, Починокъ Павлыгинъ на рѣчкѣ на «Тахѣ, Надтеховская, Аверьино тожъ; на Луху, по- «чинокъ Княжая сѣча, Шмаскова тожъ; на рѣчкѣ «на Минкѣ деревни Деревинище, Задняя тожъ, Ев-

«Фалово на рѣчкѣ на Луху, пустоши: Будково, Ко-
»коревская на рѣчкѣ на Луху; къ Балахнинской, да къ
«подмосковной его вотчинѣ со всѣми угодьи, съ лѣс-
«ными ухожьи и съ рыбными ловли и съ Мачкимъ
«кабакомъ и съ тамгою (пошлиною) и съ новыми по-
«чинки (поселеніями на расчищенномъ лѣсномъ мѣс-
«тѣ); кои стали послѣ писца и постарымъ межамъ,
«какъ изстари къ селу къ Мыту, къ деревнямъ и къ
«пустошамъ; а по списку съ писцовыхъ книгъ, пись-
«ма и мѣры Луки Новосильцева 99 года, въ тѣхъ де-
«ревняхъ и пустошахъ пашни 173 четверти въ полѣ,
«а въ дву потомужъ; да изъ подмосковнаго по-
«мѣстья въ Таницкой волости, пустоши Филино, По-
«нова, Подберезье, Лазыево, Федоровская, а въ нихъ
«по дозору Никиты Молвянинова 125 года написано:
«пашни 50 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ,
«да въ Доблинскомъ стану пустоши: Демидково, Худ-
«ково тожъ, Сидорково и Павлиново 20 четвертей въ
«полѣ, а въ дву потомужъ; да въ Звенигородскомъ уѣз-
«дѣ деревня Порѣчье съ пустошами 30 четвертей, всего
«273 четверти со всѣми угодьи, какъ изстари къ
«тѣмъ деревнямъ и пустошамъ по старымъ межамъ,
«съ отхожими пожнями (сѣнной покосъ, лугъ) и ос-
«талось у Дмитрія Пожарскаго села Мыту за вотчин-
«ною дачею и у сына его Петра въ селѣ Мыту дере-
«вень и пустошей 137 четвертей, и тою вотчинною
«Суздальскаго помѣстья землю указали Мы владѣть въ
«помѣстьѣ боярину Нашему князь Дмитрію Михайло-
«вичу Пожарскому, до большихъ писцевъ и мѣрщи-
«ковъ; а какъ будутъ въ Суздалѣ писцы наши и мѣр-

«щики, и они ту вотчинную землю отъ помѣстной, «что осталось у князя Дмитрія Михайловича за вотчин- «ною дачею, отмежуютъ, и на ту вотчину велѣли Мы «дать сію нашу Царскую жалованную грамоту за «красною печатью; а въ той вотчинѣ онъ бояринъ «Нашъ Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и его дѣти «и внучаты и правнучаты вольны, вольно ему и его «дѣтямъ, внучатамъ и правнучатамъ продать, зало- «жить и въ приданое отдать и въ монастырь по «душѣ до выкупа отдать. А кто буде изъ роду его ту «вотчину изъ монастыря похочетъ выкупить, и ему ту «вотчину выкупить цѣною по указу, противъ дачь, «дать за четверть по полтинѣ, а буде продастъ въ чу- «жой родъ, а кто буде его роду захочетъ ту вотчину «выкупить... (за заклейкою невидно). Уложенью, какъ «родовыя и купленныя вотчины выкупаютъ; а буде «у него родня останется, а выкупать не похотятъ, и «ту вотчину изъ монастыря взять на Насъ, а деньги «въ монастырь дать за нее изъ Нашей казны по пол- «тинѣ жъ за четверть, а въ монастырь та вотчина не- «крѣпка; а буде у него дѣтей и роду не останется, а «останется жена, и ей владѣть по свой животъ, и по- «слѣ ея живота ту вотчину для мужа своего и своего «помина отдать въ монастырь до выкупа, а изъ мона- «стыря выкупить на Насъ и заплатить по полтинѣ за «четверть; и буде жена его во вдовахъ и не постриже- «ся и ту вотчину вольна продать и заложить; а буде «жена его останется бездѣтна и вдовой сидѣть и по- «стричься не захочетъ и пойдетъ замужъ, и за ту вотчи- «ну дать изъ Нашей казны деньги, какъ изъ монасты-

«ря указано выкупить, а жениха ея пожалуемъ изъ «той ея вотчины въ помѣстье по Нашему Царскому раз- «смотрѣнію, что доведется. Писанъ въ Москвѣ лѣта «7128, сентября 19 дня.

«Выписана по городу Владимiру изъ книги моло- «дыхъ лѣтъ № 36».

Нельзя не удивиться чистотѣ и естественности русскаго языка этой грамоты.

За Макарiемъ Пурехомъ верстахъ въ двадцати пяти лежитъ на Волгѣ знаменитое село Городецъ разныхъ помѣщиковъ. Здѣсь зимою бываютъ необъятные базары на Волгѣ съ разнымъ хлѣбомъ, мясомъ, и издѣлiями всякаго роду, нужными для крестьянскаго быту. Возы стоятъ на рѣкѣ верстъ на пять въ нѣсколько рядовъ. Въ селѣ шьютъ сапоги и рукавицы и пекутъ въ большемъ количествѣ пряники, которые развозятъ по всему русскому царству. Одинъ помѣщикъ здѣшняго края устроилъ фабрику картофельной патоки, которая на подхватъ разбирается на пряники, и отъ фабрики помѣщикъ получаетъ отличный доходъ. Въ окрестныхъ деревняхъ работаютъ русскiя шляпы и валенки, которыхъ выходитъ отсюда на полмилiона. Есть много мужиковъ горшечниковъ, заводятся фаянсовыя фабрики. Въ Городецъ стекаются шерстобиты и портные цѣлыми сотнями. Они здѣсь находятъ себѣ хозяевъ, составляютъ артели и расходятся съ хозяевами по мѣстамъ ими заготовленныхъ, на работу. На Волгѣ многiе крестьяне работаютъ большiя суда, называемыя расшивами, а другiе сплавля-

ютъ эти суда. Здѣсь найдете самыхъ искусныхъ и опытныхъ водоходцевъ по Волгѣ. Надобно видѣть, а не пересказывать о дѣятельности этого села и окрестныхъ деревень. Трудъ кипитъ; народъ толпится на работѣ, какъ муравьи, во всякое время года. Въ семи верстахъ отъ Макарія-Пуреха есть село Вершилово. Здѣсь живутъ коренные каменщики и подрядчики на каменную работу. Подрядчики собираютъ артели каменщиковъ и ходятъ съ ними въ Оренбургъ въ Астрахань, въ Москву, въ Петербургъ, въ Малороссію, словомъ, обстроиваютъ цѣлую Россію. Спросите, гдѣ нѣтъ на каменныхъ постройкахъ владимірскихъ каменщиковъ? Они отмѣнно искусны въ своемъ дѣлѣ, и плутоваты съ тѣми, которые не имѣютъ понятія о постройкѣ. Въ сосѣдствѣ находится село Мугрево. Оно также посылаетъ ходебщиковъ въ Украйну. Въ немъ живетъ множество прасоловъ, которые закупаютъ скотъ, хлѣбъ, рыбу и изъ барышей торгуютъ. Село Палехъ принадлежитъ Генералу Бутурлину. Архитектура избъ, или лучше домиковъ крестьянскихъ, необыкновенная. Правда въ здѣшней сторонѣ въ каждомъ городѣ и въ каждомъ большомъ селѣ, вы замѣтите постройку на свой особый ладъ, туземную, народную, отличающуюся въ наружныхъ украшеніяхъ домовъ, свѣтелокъ, или по нашему мезониновъ, въ украшеніяхъ воротъ и оконницъ отъ всякой другой постройки московской и тверской. Въ селѣ Палехѣ у у всѣхъ домовъ оконницы раскрашены, у другихъ обиты тесомъ цѣлые дома и раскрашены вовсе не гнусно, но пріятно для глазъ. Надъ каждымъ домомъ

возвышается свѣтелка какъ игрушечка съ затѣйливою рѣзьбою, съ колонками съ полукруглыми надъ карнизомъ окошками, со стрѣлами, и фестонами, изъ которыхъ многіе раскрашены, а другіе и вызолочены. Въ Палехѣ пишутъ образа. Въ нѣсколькихъ верстахъ есть село Хо̀луй. Тамъ коренные живописцы и жесточайшіе пьяницы. Это село казенное. Образа ихъ извѣстны въ Россіи подъ именемъ Суздальскихъ. Эти села дѣйствительно суздальскаго уѣзда. Зимою къ нимъ привозятъ возами доски на образа. Отъ Хо̀луя влѣво къ Пистякамъ лежитъ село Мордвиново. Въ немъ съ давнихъ временъ укоренилось искуство плотническое. Оно переходитъ изъ рода въ родъ. Мордвиновцы выстроятъ вамъ хоть дворецъ деревянный, прочно и превосходно.

Всѣ эти села, о которыхъ я говорилъ вамъ, принадлежатъ помѣщикамъ. Помѣщики истинно съ отеческою заботливостью пекутся о своихъ крестьянахъ, которые годъ отъ году становятся зажиточнѣе и богаче. Сюда-то, въ здѣшній край, надобно пріѣзжать учиться, какъ управлять русскими отчинами и дѣлать ихъ богатыми и благополучными. Одна изъ главныхъ пружинъ благосостоянія помѣщичьихъ селъ та, что помѣстныя конторы строго наблюдаютъ за жизнію и промысломъ крестьянъ, и тѣмъ удерживаютъ ихъ отъ дурной жизни и дурныхъ промысловъ. Сверхъ-того значительные оброки побуждаютъ каждаго къ дѣятельности, которая здѣсь совершенно укоренилась. Прибавте ко всему этому свободу въ выборѣ промысловъ и безпрепятственное, по милости Правительства,

отправленіе всякаго роду промысловъ, къ которому кто изъ крестьянъ привыкъ и склоненъ. Вотъ вамъ въ главныхъ очеркахъ настоящій бытъ здѣшній.

Добавимъ, что въ каждомъ селѣ бываетъ разъ въ недѣлю базаръ, то есть возникаетъ еженедѣльно дѣятельность и промышленность торговая. Я нигдѣ не видалъ такого удобства для базаровъ и столь прекрасной архитектуры рядовъ и лавокъ, какъ въ селѣ Оньковѣ, покойнаго Генерала Сипягина. Здѣшніе промышленники цѣлую зиму и осень снуютъ изъ одного селенія въ другое на базары, закупаютъ, что̀ нужно для городовъ и развозятъ свой товаръ по разнымъ губерніямъ даже вещи прихотливыя. Дѣятельности и изобрѣтательности промысловъ нѣтъ конца. Однажды мнѣ случилось проѣзжать селеніе, не помню, какъ называлось ростовскаго уѣзда. Я оглушенъ былъ, въѣзжая въ селеніе, куринымъ крикомъ. Это селеніе закупаетъ по деревнямъ тысячи куръ и пѣтуховъ, легчитъ пѣтуховъ, скоро и превосходно откармливаетъ и доставляетъ въ Москву и въ Петербургъ пулярдъ и каплуновъ. Народъ здѣшній не домосѣдъ. Онъ какъ скоро не занятъ какимъ нибудь ремесломъ дома: расходится, разъѣзжается по разнымъ губерніямъ, сплавляетъ суда, торгуетъ, особенно краснымъ товаромъ, волочетъ за собою по нѣскольку возовъ товару, строитъ гдѣ и кому нужно жилища изъ кирпича и дерева, содержитъ трактиры, харчевни, привозитъ и приноситъ домой кучу денегъ, и живетъ припѣваючи; одѣвается щегольски и отнюдь не забываетъ о «не своемъ-братѣ» животѣ. Безъ ситнаго хлѣба

и безъ пшеничнаго пирога, хорошій промышленный крестьянинъ не садится за столъ. Во многихъ мѣстахъ процвѣтаютъ нѣкоторыя отрасли земледѣлія, въ особенности огородничество.

Не менѣе замѣтно здѣсь стремленіе къ грамотности. Во многихъ селеніяхъ учатся грамотѣ крестьянскіе мальчики и дѣвочки, но по своему. Ходятъ по селеніямъ пожилыя дѣвы, крестьянки, большія богомолицы и чтецы церковныхъ книгъ. Эти дѣвы обучаютъ грамотѣ крестьянскихъ дѣтей по церковнымъ книгамъ и тѣмъ живутъ. Ученье обыкновенно начинаютъ азбукой, потомъ переходятъ къ часовнику и довершаютъ псалтыремъ. Я не видалъ здѣсь ни одной гражданской печатной книги для ученья дѣтей; а какъ бы нужны были для народнаго чтенія книги умно, легко, пріятно написанныя и нравственныя и о разныхъ отрасляхъ промышленностей, вмѣсто «Ваньки Каина» и тому подобныхъ плутовскихъ росказней. Мы, русскіе люди въ деревняхъ, при быстромъ развитіи народныхъ силъ нашихъ не имѣемъ ни охоты, ни времени читать похожденія плутовъ и восхищаться ихъ удальствомъ, но желали бы прочесть что нибудь любопытное и занимательное о бытѣ народномъ, о трудѣ и промышленности, *незримыхъ* городскими жителями, селъ и деревень, объ этихъ туманныхъ, безъимянныхъ мірахъ, которыя однакожъ составляютъ основу промышленностей, капиталовъ и богатствъ народныхъ, частныхъ и государственныхъ. Писать учатъ здѣсь гражданскими буквами. Счисленію учитъ крестьянина машинка, русскіе счеты, которые дополня-

ютъ домѣкъ, т. е. природный острый умъ. Величайшую пользу принесутъ этому краю реальныя школы, которыя заводитъ благодѣтельное правительство. Понятія о правилахъ промышленностей, архитектуры, рисованья и прочаго, разовьютъ въ здѣшнемъ народѣ, отъ природы даровитомъ, душевныя способности, оживятъ ремесла и поставятъ ихъ на степень искусствъ.

Какіе богомольные здѣшніе крестьяне! Между ними вовсе нѣтъ раскольниковъ. Вклады въ Божьи церкви крестьяне дѣлаютъ чрезвычайные: правда и есть изъ чего! Въ здѣшнемъ краю меньше деревень, нежели селъ. Въѣзжайте на пригорокъ и окиньте взоромъ окрестность, вокругъ васъ на синевѣ горизонта, навѣрно бѣлѣются пять шесть церквей.—Въ иныхъ селахъ двѣ, три церкви, а при церквахъ по два, по три комплекта церковно-служителей.

Наблюдая народный духъ и нравы, я не могъ не замѣтить главныхъ отличительныхъ, первенствующихъ чертъ того и другаго. Святая Церковь, Царь православный, милая родина, отецъ-помѣщикъ—о! это слова волшебныя въ здѣшнемъ краю. Подвигъ Князя Пожарскаго и Минина здѣсь у всѣхъ въ свѣжей памяти, какъ-будто вчера совершился, отъ мала до велика знаютъ наизустъ это событіе и одушевлены имъ. Именно здѣсь вы увидите Русь православную, истинно-Θеократическую въ настоящемъ своемъ народномъ видѣ. Жаль только одного, что въ здѣшнемъ краю земледѣлие въ страшномъ упадкѣ. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ, которыхъ впрочемъ немного, нѣтъ и въ

поминѣ о разсчетливомъ, искусномъ, раціопальномъ сельскомъ хозяйствѣ. Еслибъ познакомить сколько-нибудь этихъ богачей-крестьянъ съ хорошимъ хлѣбопашествомъ и домоводствомъ! Многіе изъ нихъ остаются круглый годъ дома, посылая на свои капиталы ходебщиковъ съ товарами. Мнѣ хотѣлось бы внушить имъ и показать на опытѣ, что есть промышленность — мать всѣхъ другихъ, которая при искусствѣ даетъ большіе доходы и которою заниматься досужему человѣку и пріятно и безгрѣшно. Мнѣ хотѣлось бы усилить между ними огородничество, которое также въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ ростовскаго уѣзда, въ пренебреженіи, показать примѣры выгоднаго для здѣшняго краю полеводства, научить хорошо содержать скотъ, дать понятіе о хорошихъ погребахъ, и подвалахъ для храненія съѣстныхъ припасовъ, познакомить женъ богатыхъ крестьянъ съ заготовленіемъ разныхъ припасовъ въ прокъ на годъ, выучить ихъ дѣлать хорошее масло, сыръ. Полезный трудъ за плечами не тянетъ. Нашъ народъ чертовски понятенъ и переимчивъ, лишь бы только въ чемъ замѣтилъ свою выгоду. Онъ радъ не спать ночи, броситься въ огонь и въ воду, чтобъ достигнуть желаемой цѣли. Надобно только умѣть взяться за дѣло; не запутывать полезнаго ученою мудростью и не перепачивать «вдругъ» жизни и родовыхъ понятій. При этихъ условіяхъ и въ здѣшнемъ краю можетъ возникнуть и процвѣтать народное сельское хозяйство, которое, какъ мы уже сказали, не заключается въ одномъ полеводствѣ или агромоніи.

Но если хотите видѣть на самомъ дѣлѣ и въ полномъ

блескъ нѣкоторыя отрасли народнаго русскаго земледѣлія, то поѣзжайте въ ярославскую губернію, побывайте въ селахъ ростовскаго уѣзда. Вы найдете тамъ, напримѣръ, село Порѣчье, принадлежащее графу Орлову. Оно лежитъ при озерѣ, въ немъ три церкви, десятка два каменныхъ крестьянскихъ домовъ. Оно гнѣздо плодопеременности и идеала земледѣльческаго огородничества. Огороды у нихъ выступили даже на поля. Взгляните, и вы тоже найдете въ окрестностяхъ Москвы. У мужичковъ на поляхъ сѣются овощи; морковь, свекла, рѣпа, лукъ, огурцы, разные горохи. Этого мало: въ Порѣчьѣ сѣется цыкорей, шалфей, мята, ромашка. Порѣчье въ особенности промышляетъ огурцами. Тамъ приняты всѣ предосторожности для сохраненія огурцовъ отъ морозовъ. Есть большія поливальныя, на подобіе пожарныхъ, трубы; всегда есть въ готовности солома. Какъ-скоро осенью замѣтятъ, что холодная ночь обѣщаетъ морозъ, крестьяне не спятъ цѣлую ночь, разстилаютъ по огуречнымъ грядамъ солому, заготовляютъ воду, которою изъ поливныхъ трубъ къ утру отливаютъ отъ морозу огурцы, если не успѣли прикрыть соломой. Такимъ образомъ выручаютъ на огурцахъ большія деньги. Гдѣ нѣтъ, а въ Порѣчьѣ всегда есть огурцы, ихъ солятъ и отправляютъ въ Москву, въ Петербургъ, и по другимъ городамъ.

Не худо бы пресловутымъ *плодосмѣнным*, выгоннымъ хуторамъ, «съ теоріей безъ практики», заглянуть въ здѣшній край, чтобъ сперва поучиться опытному народному хозяйству и потомъ учить тому же другихъ

безъ фантасмагоріи и басенъ. На дѣло настоящее, а невымышленное можно съ охотою посвятить капиталъ.

Весь этотъ край земли Русской напитанъ стихіями гражданственности, которыя однакожъ остаются еще въ состояніи зерна, зародышей, требующихъ благотворнаго вліянія весенняго солнца или лучей образованности для своего развитія и процвѣтанія. Этотъ край между Волгою и Окою пространствомъ земли равняется половинѣ Англіи съ Шотландіей, трети Франціи. Онъ больше половины Пруссіи, второе больше Баваріи, въ десятеро Саксоніи, вдое больше Голландіи и Даніи. Жителей въ немъ слишкомъ шесть милліоновъ. По народонаселенію онъ третью больше Швеціи и Норвегіи, вчетверо больше Ганноверскаго, Виртембергскаго, Саксонскаго королевствъ взятыхъ порознь; третью больше Баваріи, втрое больше Швейцаріи, вдвое больше Португаліи, равняется Бельгіи и Голландіи обѣимъ вмѣстѣ, малымъ чѣмъ уступаетъ Неаполитанскому королевству съ Сициліей, только вдвое меньше Пруссіи. Со временемъ созрѣютъ, выспѣютъ начала и сѣмена гражданственности: непадобно только слишкомъ подгонять, чтобъ не сдѣлались, квелыми, слабыми, водянистыми, какъ парниковые огурцы — и удивитъ Русь православная собою всю подлунную. Исторія человѣчества приготовляетъ для нея блистательныя страницы.

Здѣсь, какъ вездѣ, трудъ народный совершается, обычнымъ путемъ. Онъ проявляется и здѣсь въ трехъ видахъ, или тремя главными промышленностями. 1-е) *Сельскимъ хозяйствомъ*, которое доставляетъ перво-

начальныя произведенія земли и неба. Большая часть промышленниковъ этого краю съ семействами своими живутъ въ селеніяхъ, обработываютъ поля, косятъ луга, пашутъ, жнутъ, отапливаются, получая отъ земли подсобное продовольствіе. 2-е) *Ремесленностію*, которая заняла здѣсь первое мѣсто; и 3-е) *Торговлей*: Но она только внутренняя, домашняя, предшественница внѣшней. Изъ мѣстнаго устройства, изъ мѣстныхъ дѣйствій, оборотовъ во всѣхъ трехъ промышленностяхъ, которыя производятся по инстинкту, по догадкѣ, по предчувствію, по здравому смыслу, сколько можетъ свѣтить онъ во тьмѣ непросвѣщенія умственнаго, изъ образующихся цѣнностей, капиталовъ и богатствъ — правда еще не важныхъ, не огромныхъ, — составилась здѣсь любопытная сторона народной жизни, сторона реальная, положительная, вторая половина общественной жизни, довольно оживленная, свѣтящаяся, въ противуположность первой половинѣ доселѣ еще темной, какъ другая половина мѣсяца, именно умственной, отвлеченной, идеальной. Всѣмъ извѣстно, что обѣ половины: положительная съ своими промышленностями, трудомъ дѣйствительнымъ, и умственная съ своею свитою, науками и искусствами, составляютъ неотъемлемую принадлежность гражданскаго общества и образованнаго быту народнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣку, живущему въ обществѣ, столько жъ необходимы домъ, одежда, пища, сколько умъ, фантазія, разсудокъ, вкусъ и весь міръ идеальный, духовный, нравственный. Вотъ почему во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ — у насъ же въ Россіи это есть

теперь главная забота благодѣтельнаго правительства— стараются соединить съ попеченіями о развитіи и усовершенствованіи душевныхъ качествъ еще другія необходимыя попеченія о распространеніи, утвержденіи и усовершенствованіи другой половины общественной жизни и гражданскаго быту, именно положительныхъ знаній. Предметъ ихъ — указать источники довольства, изобилія, обогащенія частнаго и общаго, познакомить съ искусствомъ разработывать эти источники и составлять цѣнности, капиталы, богатства частныя и общественныя трудомъ промышленнымъ, производительнымъ.

Положительныя знанія пріобрѣтаются либо посредствомъ предуготовительнаго воспитанія съ юношескихъ лѣтъ—съ ними соединяютъ въ училищахъ образованіе ума и сердца: путь самый благонадежный — либо многолѣтнимъ и нерѣдко горькимъ опытомъ безъ всякаго душевнаго образованія. Есть множество примѣровъ разоренія, разстройства промысловъ отъ незнанія, какъ и за что взяться на дѣлѣ въ области промышленностей; также есть примѣры обогащенія, запятнаннаго жестокими, безнравственными, небогобоязненными поступками среди грубаго невѣжества.

Въ нѣкоторыхъ Государствахъ Европы введены въ учебныя заведенія, такъ называемыя «реальныя классы.» Цѣль ихъ — доставить положительныя знанія производительному классу, но, къ сожалѣнію, только для двухъ промышленностей мануфактурной и торговой. Въ реальные классы тамъ не имѣютъ доступу положительныя знанія въ сельскомъ хозяйствѣ, той первона-

чальной промышленности, которою вездѣ и во всѣ вѣки начинается трудъ производительный и которой у насъ посвящены десятки милліоновъ рукъ. Намъ нельзя пренебрегать знаніями въ сельскомъ хозяйствѣ. Въ Одессѣ въ Ришельевскомъ Лицеѣ составлено цѣлое отдѣленіе «Камеральныхъ наукъ,» въ которомъ помѣщается сельское хозяйство и всѣ подсобныя науки и искусства, сопутники промышленностей. По здравому смыслу и по самому опыту и примѣрамъ благосостоянія государствъ, дѣлается понятнымъ и очевиднымъ, что нельзя разъединять неразлучныхъ спутницъ народнаго изобилія, производительницъ частныхъ и общественныхъ капиталовъ и богатствъ, уничтожать естественную связь, существующую между промышленностями сельскаго хозяйства, ремесленною и торговою, и пренебрегать искусствомъ, знаніями, выгодами одной для возвышенія двухъ другихъ въ государствѣ. Это значило бы тоже, что итти наперекоръ естественному порядку и ходу вещей въ обществѣ, разстроивать необходимое общее согласіе и взаимное пособіе производящихъ силъ на сценѣ труда народнаго, оставлять въ немъ темную, хаотическую сторону, поселять въ умы производительнаго класса невѣрныя, сбивчивыя понятія, а въ сердце недоброжелательство, недовѣріе, неуваженіе, противоборство, вражду, ненависть, зависть, которые легко могутъ возникнуть между незнающимъ своего дѣла, положимъ, сельскимъ хозяиномъ и образованнымъ, свѣдущимъ въ своей промышленности купцомъ и фабрикантомъ. Сверхъ того, изъ дурныхъ произведеній сельскаго хозяйства нельзя выработать хоро-

шихъ мануфактурныхъ издѣлій, а слѣдственно и продать ихъ съ выгодою. И такъ справедливо и обдуманно сдѣлано въ Ришельевскомъ Лицеѣ, что въ «Камеральномъ отдѣленіи» помѣщено преподаваніе о сельскомъ хозяйствѣ, первоначальной, основной промышленности. Обучающемуся юношеству открыта возможность почерпать положительныя знанія вполнѣ, въ связи и порядкѣ. Промышленностямъ оказывается ближайшее и существенное пособіе. Человѣкъ естественно стремится прежде всего удовлетворять первыя, необходимыя нужды жизни и потомъ, въ слѣдъ за тѣмъ окружать себя довольствомъ, изобиліемъ въ благахъ вещественныхъ, и богатствами. Это *общее* влеченіе всего рода человѣческаго. Если это такъ, сказалъ мнѣ одинъ молодой щеголь, Левъ моднаго свѣту, вставая изъ за стола, отряхивая свою щегольскую одежду и допивая десятую рюмку лафитту, я бы изъ благопристойности предъ образованнымъ свѣтомъ, изъ вѣжливости къ высокопочтеннымъ *положительнымъ знаніямъ*, изъ уваженія ко второй половинѣ общественной жизни, или по крайнѣй мѣрѣ, такъ просто, изъ *близиру* передъ Европейцами, сдѣлалъ бы такъ, хоть *На антре* вотъ что: шесть лѣтъ гимназическаго ученія отдалъ бы уму и сердцу, а седьмой положительнымъ знаніямъ; три года университетскаго курса посвятилъ бы головѣ, четвертый груди и желудку. Милостивые Государи! По моему это во все не такъ пошло и тупо, какъ кажется съ перваго взгляду. При этой системѣ ученія всѣ просвѣщающіеся воспользовались бы благодѣтельными положительными знаніями на всякій случай жизни и приносилибъ

съ собою въ свѣтъ съ образованностью ума и сердца, еще знанія добывать хлѣбъ насущный, поддерживать родительское достояніе, усиливать капиталы, умножать богатства трудами честными, искусными, промышленными, производительными. Мирное положеніе Европы и нынѣшнее европейское общество для удовлетворенія нуждъ образованной мирной жизни, требуетъ, неоспоримо, быстраго развитія промышленныхъ трудовъ, усиленія капиталовъ, умноженія народныхъ богатствъ, которыя появляются въ государствахъ только съ распространеніемъ положительныхъ знаній и искусства въ трудахъ промышленныхъ.

=

2007081606